

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть V.

Книжка третія.

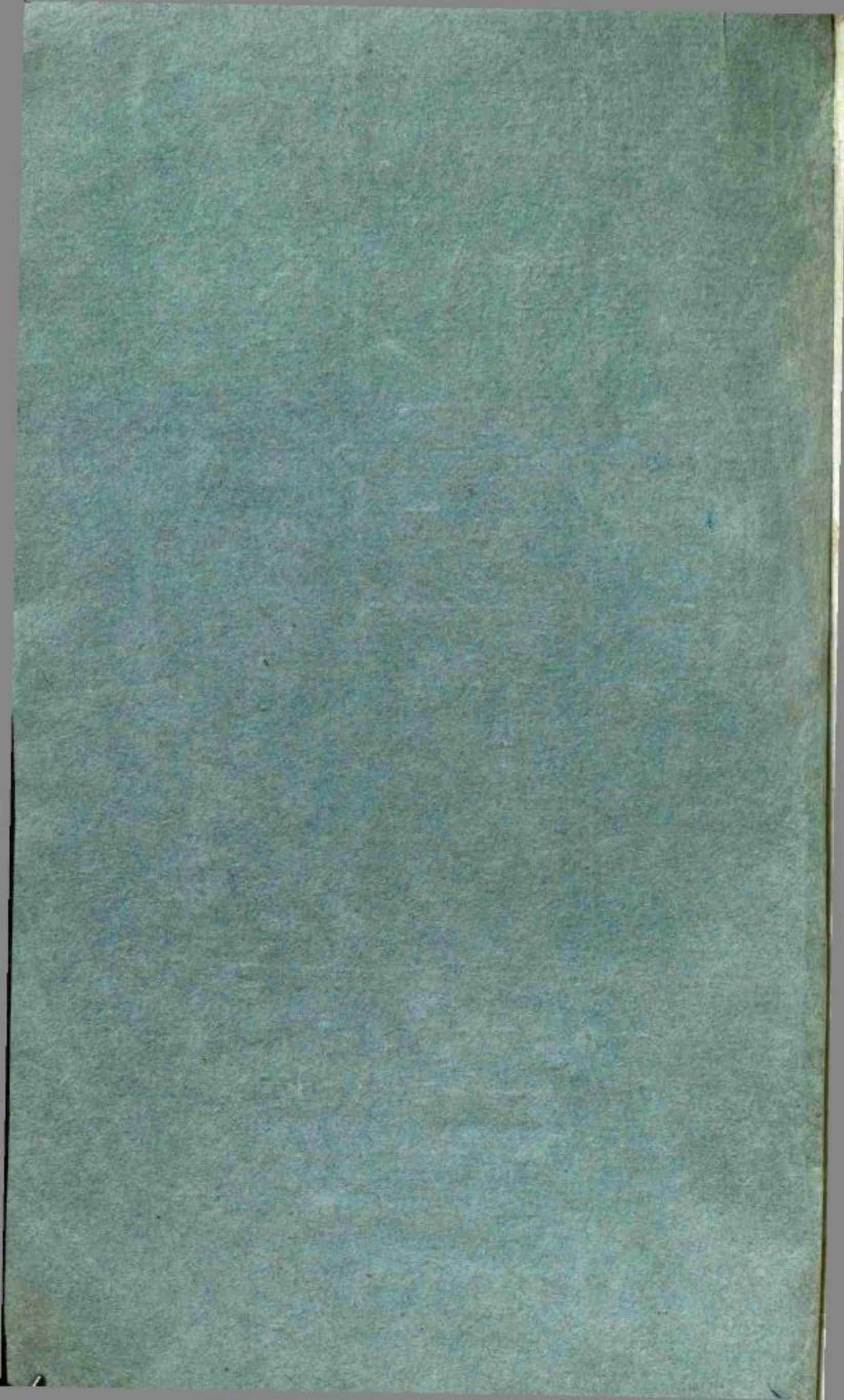
МАРТЪ 1792.

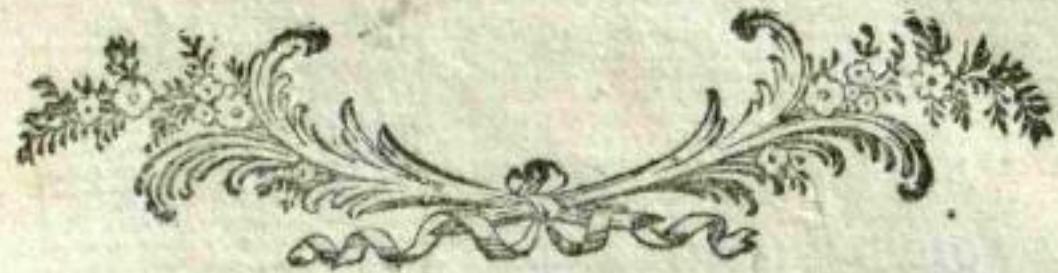

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть пятая. Книжка третія.

Мѣсяцъ Мартъ.

I.

НА МИРЪ

Съ Оттоманскю Портю.

Во снѣ ли сладкомъ я мечтаю,
Иль испину въ воспоргѣ зрю?
Мирѣ! мирѣ! отвсюду я внимаю:
Жвала всемощному Царю!
Мирѣ! мирѣ! гласяпъ орудій громы,
Колебля, потрясая domы.
Мирѣ! мирѣ! въ поляхъ жужжитъ
зефиръ.
Мирѣ! спаредъ вопіеши согбенный;
И къ персамъ родшай преклоненный
Младенецъ повторяетъ: *мирѣ!*

*

Восторгъ луши, восторгъ всемѣспной!
Здѣсь нѣжна, сельска красома

Часть V.

Ф

Съ

реч 3406

Съ улыбкой искренной, нелестной,
Цѣлуешь жениха въ успа,
Не ошвратаешь смрадомъ сѣрнымъ.
Тамъ съ чадолюбiemъ безмѣрнымъ
Бѣжитъ встрѣчать героя мать;
Броню слезою орошаешь,
Обѣмлеть сына, вопрошаешь,
И хочетъ все ему внимашь.

*

Тамъ юноша румяный, здравой,
Съ весельемъ серпъ кривой остришъ;
Съ губящей незнакомый слазой,
Въ незлобномъ сердцѣ говоришъ:
„Кормилецъ мой! еда воину
Не разлученъ я былъ съ тобою;
Но Богъ теперь намъ миръ послалъ.
Спѣши, спѣши ты, лѣто красно!
Опынѣ мнѣ ты не ужасно;
Пожну, что въ осень засѣвалъ. „

*

Тамъ воины поютъ походы
Въ кругу внимающихъ отцовъ;
Или, вѣщаясь въ хороводы
Пастушекъ сельскихъ, пастуховъ,
Усугубляютъ общу радость. —
Какая, ахъ! для сердца сладость!

Какое

Какое зрелище въ очахъ!
На рапникахъ вѣнки пестрѣютъ;
А шлемы ихъ пернаты вѣють
У земледѣльцевъ на главахъ!

*

О други! братія любезны,
Геройски, мирныя сердца!
Примите въ жертву капли слезны
Смиренна сельскаго пѣвца.
Въ веселіи беретъ онъ лиру,
Опьныи посвященну миру,
И купно во единый гласъ
Душевно восклицаетъ съ вами:
Владѣй, Царица, ѿѣтно нами!
Ура! ура! миръ, миръ у насъ!

И.

II.

ОТСТАВНОЙ ВАХМИСТРЪ.

Баллада.

Сними съ себя платочикъ,
Сѣдая спарина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

*

Ф 2

Я

Я вижу чисто поле;
Вдали жь передо мной
Чернѣетъ колокольня
И вѣшится дымъ изъ трубъ.

*

Но кто вдоль по дорогѣ
На голомъ рижакѣ
Трюхѣ, трюхѣ, а индѣ рысью,
Подѣ шляпой вѣ калпакѣ,

*

Вѣ замасленомъ колепѣ,
Съ копомкой вѣ шорокахѣ?
Палашъ его тяжелый
Тащась чершипѣ песокѣ.

*

Не древній ли крыжатикѣ (*)?
Вотъ сунуло куда!
Изрядный я испорикѣ!
Проспише — заврался.

*

Нѣтъ, это бывшій Вахмистръ
Шешминскаго полку,

Оп-

(*) Т. е. воинъ, бывшій вѣ Крестовомъ походѣ.

Општавку получившій
Чрезъ дваддашь службы лѣтъ.

*

Ужъ онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Всѣ жилки въ немъ взыграли,
И сердце расцвѣло.

*

Какъ будто въ мірѣ волшебный
Онъ вѣдьмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ воспоргѣ приводишъ духъ,

*

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣплѣе
На родинѣ его.

*

Завидя жъ дымъ въ деревнѣ,
Распаялъ пуще онъ;
Тогдашній день Суботу
И баню вспомянулъ.

*

,, Любезная хозяйка!
Ворчалъ онъ про себя:

Ф 3

Пе-

Помѣшкай на минушу ,
И будешь ты самъ - другъ .

*

Спутай рыжакъ проворнѣй ! , —
И съ словомъ симъ спегнулъ ;
Удалый конь пуспился
Какъ изъ лука спрѣла .

*

Ужь витязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ , —
И вотъ ужь онъ вѣзжаетъ
На свой господской дворъ .

*

Но чѣто , ахъ ! вѣ немъ находитъ ?
Его ль жилище то ?
Лубки прибиты къ окнамъ ,
И на дверяхъ запоръ !

*

Не видно вѣ цѣломъ домъ
Ни курицы живой ;
Все тихо — лишь на кровлѣ
Мяучитъ пощѣй котъ .

*

Онъ съ лошади слѣзаетъ ,
Идешъ , и вѣ дверь стучитъ —

Ни-

Никто не отвѣчаетъ!
Лишь въ щелку вѣтръ свиститъ.

*

Объятый удивленьемъ,
И страхомъ пораженъ,
Пошелъ онъ вспять съ сомнѣнемъ,
Его ли это домъ?

*

Но робкими ногами
Спустился лишь съ крыльца,
Какъ вдругъ Терентьевъ лысой
Представилъ ему.

*

Другъ друга вмигъ узнали —
И топъ и сей завылъ.
Терентьевъ! гдѣ хозяйка?
Помѣщикъ вопросилъ.

*

„Охти, охти, бояринъ!
Отвѣтствовалъ спарикъ:
Охти!,, — И скорчась слезы
Ушеръ своей полой.

*

„Ухъ срѣзalъ! знать хозяйка
Велѣла долго жить!

Скажи, скажи скорѣе!,,
Ѣщаешь вимязь мой.

*

Терентьевъ продолжаетъ:
„Хозяюшка твоя
Жива иль нѣшь, Богъ знаетъ;
Да здѣсь ее ужъ нѣшь.

*

„Пришло тебѣ , бояринѣ,
Всю правду обѣявши:
Попуталъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою.

*

„Она держала пристацъ
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ поиманъ
И на нее донесъ,

*

Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли ;
Что жъ съ нею учинили ,
Узнать мы не могли.

*

„Вотъ пятой годъ въ доходъ —
Охти намъ! — какъ обѣ ней

Ни слуху нѣшъ, ни духу;
Какъ канула на дно., - - -

*

Нещастный мужъ поплакалъ;
По томъ вздохнувъ пошелъ
Къ Терентьеву въ избушку,
И съ горести легъ спать.

*

Сей вишня и по нынѣ,
Друзья! еще живешъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ Земскимъ былъ судьей.

И.

III.

ПѢСНЯ РОСКОШНАГО И ТРЕЗВАГО
ФИЛОСОФА.

Роскошной. Сосѣдъ! на свѣтѣ все пуще:
спое:

Богатство, слава и чины;
Но могутъ коль вѣдь добро прямое
Быть таинны вещи почтены,
То здраво и спокойно жить,
Съ друзьями время проводить,

Красотъ любить, любимымъ быть,
И сладко ъстъ и пить.

Какъ пѣнится вино прекрасно !

Какой въ немъ запахъ , вкусъ и цвѣтъ !

Почто теряшь часы напрасно ?

Нальемъ , любезной мой сосѣдъ ! 2.

Грезой. Сосѣдъ ! на свѣтѣ не пустое

Богатство , слава и чины ,

А подлинно добро прямое ;

Коль были бъ только мы умны —

Жизнь знали чпить , чесьть , умъ
любить ,

Умѣренно въ довольствѣ жить

И по трудамъ лишь ъстъ и
пить —

Всѣ щаспливы могли бы быть .

Пусть пѣнится вино прекрасно !

Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ !

Не наливай ты мнѣ напрасно :

Не пью , любезной мой сосѣдъ ! 2.

Роскош. Гонялся я за звучной славой ;

Вспрѣчалъ я смѣло ядры лбомъ :

Сей звѣрской упоеи отправой ,

Я былъ ужаснымъ дуракомъ !

Какая прибыль спрашнымъ слыть,
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ злодѣйствѣ время проводить?
Безумство на убой ходить!

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цветъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезнай мой сосѣдъ! 2.

Грэзвой. Гоняясь на войнѣ за славой,
И съ ядрами встрѣчашся лбомъ,
Велишъ тому разсудокъ здравой,
Кто лишь не прусъ передъ врагомъ.

Царю, отечеству служить,
Родителей, чадъ, женъ хранить,
Опъ варваровъ оборонить,
Священъ есТЬ долгъ — такъ
славно жить.

Пусть пѣнится вино прекрасно!
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цветъ!
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезнай мой сосѣдъ! 2.

Роскош. Хощѣлъ я сдѣлаться судьею,
Законы свято соблюдать:
Увидѣлъ, что кривятъ душою,

Гдѣ

Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить,
Однихъ щадить, другихъ казнить,
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ шенепа мухъ ловить!
Какъ пѣнишся вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезной мой сосѣдъ! 2.

Грезой. Когда Судьба тебѣ судьею
Въ судахъ велѣла засѣдать,
Верѣться нужды нѣтъ душою,
Коль взялъ ты не хочешь
братъ.
Какъ можно такъ и сякъ судить?
Вельможъ спыдно подлу быть,
Законами мушить, купить,
И клятвою своей шутить.
Пусть пѣнишся вино прекрасно!
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и
цвѣтъ!
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезной мой сосѣдъ!

(Изъ Петербурга.)

IV.
ЛЮДОРЪ.

Уже холодные вѣпры навѣяли блѣдность и мракъ на печальную Природу, когда Агапонъ, Изидоръ и я поѣхали въ деревню — наслаждаться меланхолическою осенью.

Никогда ~~н~~забуду я сей осени, споль пріятно нами проведенной — никогда не забуду уединенныхъ нашихъ прогулокъ, когда мы, сидя на изсохшей травѣ высокаго холма, смотрѣли на поля опустѣвшія, на рѣдкія, унылые рощи — внимали шуму порывистаго вѣтра, разносящаго желтые листья — чувствовали препѣтъ въ сердцахъ своихъ, и съ краснорѣчивымъ молчаниемъ другъ друга обнимали. Щастливъ, кто имѣетъ южную душу — душу, которая примѣчаетъ всѣ движения Природы, и вмѣстѣ съ нею измѣняется въ чувствахъ своихъ — цвѣтѣтъ и увядаетъ вмѣстѣ съ нею! Все, что представляется глазамъ его въ проспранной области творенія, размножаетъ сго бытіе и бываєтъ для него пред-

иепомъ наслажденія ; всякая слеза, имъ проливаемая , рождаетъ ему новую радость , иногда пайную, неизъяснимую; но тѣмъ глубже чувствуемую и тѣмъ блаженнѣйшую радость . Но еще спокойно щастливѣе сей смертной , когда найдешъ онъ подобнаго себѣ человѣка , копораго душа есТЬ такжे чистое зеркало Природы . Съ чѣмъ можно сравнить быспроту того движенія , съ которыми они , при первомъ взорѣ , бросаютъ обнять другъ друга , и въ глазахъ Неба заключить на вѣки священный союзъ дружества , союзъ твердѣйшій основанія земли ? Кто опишетъ то несравненное удовольствіе , съ которыми они сообщаютъ другъ другу свои симпатическія чувства — иногда безмолвно — однимъ взоромъ — однимъ пожатіемъ руки ? Милосердое Небо ! . . . въ сию минуту капящія слезы мои на бумагу — слезы скорби — ахъ, нѣпѣ ! — слезы умиленія , благодарности ! Хотя вы , мои любезные — нѣжный Агашонъ , Издоръ чувствительный ! —

сокрылись отъ глазъ моихъ, подобно
какъ восхищельныя мечты лѣтней
ночи на зарѣ исчезаютъ; но въ серд-
цѣ моемъ остался цвѣтущій вашъ об-
разъ — и часпо, въ вѣянїи вѣтерка,
несущагося отъ могилы вашей, слышу-
я голосъ, упѣшишельный и любезный:
одна тонкая завѣса разлучаетъ насъ;
скоро и она подымется! . . . Проспи-
мнѣ, милая Аглай! я возобновляю свою
горесть; но ты сама велѣла мнѣ го-
ворить о друзьяхъ нашихъ: могли
ли слезы удержаться въ глазахъ мо-
ихъ? —

Болѣе мѣсяца прожили мы въ де-
ревнѣ, и никто изъ насъ не чувство-
валъ скуки. Часто бурные вѣтры по-
шрясали окончины въ вѣхомъ домикѣ
нашемъ, и печально выли въ трубѣ
камина, передъ которымъ мы по вече-
рамъ сиживали; часто поля покрыва-
лись снѣгомъ, но мы все еще въ по-
ляхъ гуляли, не спрашивая ни вьюгъ,
ни мяшелей. Наслаждаясь Нашурою
и дружествомъ, сердца наши не чув-
ствовали въ себѣ никакой пустопы,

и по тому мы не искали знакомства съ соседними дворянами, которое могло бы прервать теченье приятныхъ минутъ нашихъ и быть намъ въ тягость; но Судьба хотѣла насть познакомить съ однимъ изъ нихъ — и память его пребудетъ для меня всегда священною!

Однажды поутру шумъ вѣтра пробудилъ меня ранѣе обыкновенного. Друзья мои спали еще крѣпкимъ сномъ. Я взялъ трость свою — ту самую, любезная Аглая, которую нѣкогда ты мнѣ подарила, и которая была мнѣ вѣрнымъ соповарищемъ во всѣхъ дальнихъ моихъ путешествіяхъ — и пошелъ въ рощу, которая приымкала къ нашему саду. Вообрази мое удивленіе, когда я подъ изсохшимъ вѣтвями высокаго дуба увидѣлъ спящаго молодаго человѣка, въ черномъ фракѣ, совсѣмъ мнѣ незнакомаго, и притомъ такого, какихъ не много встрѣчалось глазамъ моимъ въ свѣтѣ! Прекрасное, умное лице — большие черные, огненные глаза, свѣплое зер-

жало великой души — открытой, высокой лобъ, съ премя или четырьмя ровными, углубленными чертами, которые показывали опытность и претерпѣнныя печали — блѣдная щеки, съ самою тонкою розовою отшѣнкою — и еще нѣчто такое, чего описать не возможно, но что всего сильнѣе действуетъ на сердце — однимъ словомъ, любезная Аглай, представь себѣ впораго Изидора, когда ему было двадцать семь лѣтъ отъ роду, и когда ты увидѣла его, послѣ тяжкой сердечной болѣзни, спящаго въ алеѣ Д * * * го саду. Облокотясь на сукъ дерева, онъ казался углубленнымъ въ самого себя; съверной вѣтеръ развѣвалъ его русые, не напудренные волосы; круглая шляпа и бѣлой платокъ лежали у ногъ его. Около трехъ ми- нутъ я разсматривалъ его, не будучи имъ примѣченъ; наконецъ онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня, — и оп- спушилъ шагъ назадъ. Я снялъ шляпу, и сказавъ радуюсь доброй встрѣ- тѣ, прошанулъ ему руку. Можетъ

быть видъ и голосъ мой показали ему искренность моего сердца: по крайней мѣрѣ онъ вспрѣшилъ руку мою на половинѣ пушки, и пожалъ ее съ улыбкою дружелюбія. Извините меня, продолжалъ я, еслыли приходъ мой вывелъ васъ изъ пріятной задумчивости; но хозяинъ спѣшилъ вспрѣшить любезнаго гостя. — Я вашъ гость! (сказалъ онъ такимъ голосомъ, которой былъ въ совершенной гармони съ его лицемъ, и показалъ мнѣ новую красоту въ душѣ его) И такъ я стою на вашей землѣ? — „Здѣсь въ рощѣ покоится прахъ моего дѣда., — Просните же незнакомаго, которой приближился къ этому освященному мѣсту безъ вашего позволенія., — Онъ мнѣ знакомъ, попому что я смотрю на него. — „И такъ вы вѣришь физиогномикѣ?, — Вѣрю Напурѣ и своему сердцу. — „Ахъ! и я вѣрю имъ!, — Тутъ онъ обнялъ меня — и жаръ его объялъ далъ мнѣ чувство нѣжности его сердца. Но скажите мнѣ (продолжалъ онъ, держа меня

за обѣ руки и смотря мнѣ въ глаза) скажише, кто вы?,, Въ немногихъ словахъ удовлетворилъ я любопытству его; послѣ чего неизнакомецъ мой сказалъ мнѣ, что онъ помѣщикъ сосѣдней нашей деревни, въ которую недавно прїхалъ, и въ которой со дня прїѣзда живетъ уединенно; что онъ любитъ ходить пѣшкомъ, и увидѣвъ нашу рощу, зашелъ въ нее, не зная, кому она принадлежитъ, и не зная вообще никого изъ сосѣдей своихъ. Теперь вы узнаете по крайней мѣрѣ троихъ, сказалъ я — и припомѣ такихъ, которые постараються уладить ваше уединеніе, не лишая васъ ни одной изъ прїятностей его. Пойдемъ-те; въ десяти шагахъ отсюда, подъ смиренною кровлею маленькаго домика, найдете вы еще два сердца, которыя могутъ вамъ сочувствовать. — „И такъ васъ трое?“ сказалъ Ліодоръ: но эпова слишкомъ много для одного дня; или Судьба награждаетъ меня за долгое терпѣніе., — Онъ поднялъ шляпу свою;

свою ; мы взялись за руки , и черезъ садъ пришли въ домъ. Изидоръ и Агатонъ съ удивленіемъ посмотрѣли на прекраснаго незнакомца , идущаго къ нимъ съ распроспертыми объятіями. Это нашъ сосѣдъ , друзья мои ! сказалъ я : онъ достоинъ любви вашей . , — Они обняли и — полюбили другъ друга. —

Людоръ рассказалъ намъ , что онъ выросъ въ чужихъ краяхъ , много путешесствовалъ , и только за два мѣсяца передъ тѣмъ возвратился въ Россію ; что проживъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ , удалился онъ въ деревню , которая была бы для него очень пріятна , еспѣли бы иногда не чувствовалъ онъ нужды сообщать мысли свои подобному себѣ человѣку . , Когда бы я зналъ , примолвилъ онъ съ улыбкою , что у меня такіе сосѣди ! Но какъ было мнѣ искать васъ въ такомъ отдаленіи отъ спо-лицы , за дремучими лѣсами , на краю Европы , и въ то время , когда осен-

нїя бури выгоняють жителей изъ са-
мыхъ подмосковныхъ деревень? Вы
право чудные люди, государи мои!,,
— Напропивъ того мы также назы-
вали его чуднымъ человѣкомъ, сме-
ялись и съ чувствомъ сердечнаго удо-
вольствія пожимали другъ у друга
руки.

Забывъ время, онъ пробылъ съ
нами до полуночи, согласился у насъ
ночевать, и на другой день поутру
пошли мы вмѣстѣ въ его деревню,
которая была въ четырехъ верстахъ
отъ нашей. Тамъ, на высокомъ бе-
регу рѣки Ревы, стоялъ большой де-
ревянной домъ, построенной въ на-
чалѣ текущаго сполѣшія, и весьма
близкой къ своему конечному разру-
шенію; мохъ, трава и самыя дерева
расли на его гниющей кровлѣ, подъ
свѣсомъ которой гнѣздились тысячи
голубей, галокъ и другихъ птицъ, со-
спавлявшихъ крикомъ своимъ всегда-
ний дикій концерпъ, и на которой,
подобно башнямъ, торчало по крайней
мерѣ двадцать слуховыхъ окошекъ;

онъ обведенъ былъ рвами, нѣкогда глубокими, но временемъ отчасти заглаженными — шупъ жилъ Ліодоръ съ камердинеромъ Французомъ и съ премя слугами. Комнаты были одна другой меньше и темнѣе; вездѣ сви- спалъ вѣперъ, хлопали двери, сту- чали окончины (по большой часпи пере- битыя) и тряслись доски, по кото- рымъ мы шли. Хозяинъ выбралъ для своего кабинета самую верхнюю ком- нату, которая вѣ свое время назы- валась *теремомъ* или *свѣтлицею*. Вѣ сихъ перемахъ, любезная Аглай, си- живали вѣ спарину красныя дѣвицы под- горюнившись, смотрѣли вѣ поле чистое, ждали милыхъ своему сердцу, и не видя ихъ идущихъ, проливали слезы горючія изъ ясныхъ очей своихъ; вздохи тяж- кіе, сердечные, колебали грудь ихъ бѣлую. — — Французъ принесъ намъ кофе, и дуя себѣ на руки, окосѣвшія отъ холода, проклиналъ же стокой нашъ климатъ; а мы разгова- ривали о тѣхъ временахъ, когда Ру- скіе дворянѣ, послуживъ вѣрою и прав- дою-

дою, — послуживъ Богу, Царю и
отечеству — возвращались въ свои
помѣстья, жили въ деревенскихъ зам-
кахъ своихъ какъ маленькие царики,
гуляли съ своими сосѣдями, и въ тѣ
веселыя минуты, когда Оссіанская *та-
ща радости* вокругъ ходила, разсказы-
вали другъ другу свои славные подви-
ги, и показывали раны, полученные ими
въ служенїи отечеству. Ліодоръ
согласно съ нами утверждалъ, что
тогда было въ дворянахъ нашихъ болѣе
духа, болѣе характерной *тврдости*,
нежели нынѣ, когда мы, погнавшись за бле-
спящую *наружностию* другихъ націй,
оставили все то, чѣмъ Богъ и На-
штура хотѣли отличить насъ отъ дру-
гихъ народовъ земли — оставили,
забыли *самихъ себя*, и сдѣлались во
всемъ учениками (*), не будучи ма-
стерами ни въ чемъ.

Съ сего времени мы были всякой
день вмѣстѣ съ Ліодоромъ, вмѣстѣ
обѣдали, вмѣстѣ ходили и вмѣстѣ

(*) И въ самой Липшерашурѣ.

проводили вечера, разсуждая о разныхъ важныхъ предметахъ, сообщая другъ другу примѣчанія, сдѣланныя нами въ путешесствіяхъ, и взаимно объясняя наши мысли. — Давно уже разстался я съ Людоромъ — моря раздѣляютъ насъ — но я еще и теперь вижу его передъ собою, и слышу голосъ его. Ахъ, милая Аглай! какъ любезенъ казался онъ намъ въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ словѣ и въ каждомъ своемъ движени! Все, все показывало въ немъ кроткую душу, любовь и чувствительность. Все было опимѣнно прїятно въ устахъ его, даже и тогда, когда говорилъ онъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ; потому что слова его изливались всегда изъ сердца, и будучи, такъ сказать, согрѣваемы внутреннимъ огнемъ души, прогали слушателей и воспаляли воображеніе самыхъ холодныхъ людей. Но Людоръ не только говоришь умѣлъ — онъ умѣлъ еще слушать, такъ что всякой любилъ ему рассказывать, открывать свою душу, и всякой говорилъ

рилъ съ нимъ лучше и краснорѣчивѣ, нежели съ кѣмъ нибудь. Видъ его, взоры, улыбка, слеза, имѣли сю удивительную силу, отвѣчая совершенно мысламъ и чувствамъ разсуждающаго или повѣствующаго. Всякой видѣлъ, что Ліодоръ понималъ его, даже и тогда, когда дѣло шло о тонкоспахѣ Кантовой Метафизики; всякое нѣжное сердце находило въ немъ бранта сочувственника, и всякой — любилъ Ліодора.

Около мѣсяца жили мы такимъ образомъ. Почтенней мой знакомецъ Лафашеръ говорилъ, что пробывъ съ человѣкомъ два дни отъ утра до вечера, проницательной наблюдатель успѣетъ осмотрѣть всѣ ущелины его сердца. Я думаю, что Лафашеръ правъ, и что человѣкъ никакимъ приворожомъ не можетъ скрыть своей внутренности отъ острыхъ глазъ (какими Натура, правдѣ, не всѣхъ одаряешь). По крайней мѣрѣ Ліодоръ пропивъ воли своей показалъ мамъ, что шаилось въ его душѣ, и

мы скоро примѣтили, что не смотря на его прѣятныя улыбки — не смотря на веселой тонѣ его обхождѣнія — мрачная меланхолія глубоко въ немъ вкоренилась. Рѣдко румянецъ показывался на щекахъ его, пробиваясь сквозь ихъ блѣдность; часто природная свѣтлость глазъ его скрывалась въ какой-то черной тучѣ, и вдругъ печальная ночь распроспиралась по лицу его, на которомъ за минуту передъ тѣмъ сиялъ веселой полдень; часто, послѣ шутливаго разговора, онъ забывался, складывалъ руки, поднималъ глаза на небо, и нѣчто подобное слезамъ близало въ глазахъ его; опомнившись, онъ улыбался, и между тѣмъ старался вспомнить, о чёмъ говорено было. Мы не хотѣли быть нескромными, и боялись оскорбить его изложеніемъ нашего сожалѣнія (сколь оно ни было искренно), надѣясь, что со временемъ онъ самъ откроетъ намъ свою душу. Ожиданіе наше не обмануло. Пришедши къ нему однажды по-упру, нашли мы его лежащаго на постѣ.

спелъ и со слезами цѣлующаго ма-
ленькой портретъ, висѣвшій у него
на шеѣ. Увидѣвъ насъ, хотѣлъ онъ его
спрятать; но вдругъ одумался, сно-
ва посмотрѣлъ на него, показалъ намъ,
и съ печальною улыбкою спросилъ:
хороша ли она? Мы увидѣли изобра-
женіе пріятной, миловидной женщины,
и отвѣчали ему, что она прекрасна.
Была, сказалъ онъ — была! Ее уже
нѣпъ на свѣтѣ!, Тутъ Ліодоръ обѣ-
ими руками прижалъ портретъ къ
груди своей, и хотѣлъ, казалось,
остановить шѣмъ вздохи, силившіеся
изъ нее вылѣтѣть., „Друзья мои! про-
должалъ онъ, видя, что мы трону-
лись: друзья мои! я ввожу васъ въ свя-
тилище моего сердца!... Знайте, что я
любилъ, и такъ, какъ только одинъ разъ
въ жизни любить можно. Но Судьба лиши-
ла меня той женщины, которая была
мнѣ всего дороже, и сердце мое облек-
лось въ вѣчной трауръ. Такъ, друзья
мои! болѣзнь моя неизлечима, и са-
мая дружба ваша можетъ только на-
время облегчить се. Я читаю огор-

ченіе въ глазахъ вашихъ: проспите мнѣ !,, — Мы обнимали его, и слезы капились изъ глазъ нашихъ. Наконецъ онъ спряталъ портретъ, вспалъ, одѣлся, вышелъ съ нами изъ дому, сѣлъ на высокомъ берегу шумящей Ревы и сказалъ намъ: „Здѣсь выслушайте мою испорю, которая до теперешней минуты была вамъ только отчасти известна. „ Мы сѣли вокругъ его, и Ліодоръ, собравшись съ мыслями, началъ говорить.

Мнѣ было еще не болѣе двѣнадцати лѣтъ, когда отецъ мой послалъ меня въ Лейпцигской Университетъ. Тамъ душа моя получила первыя систематическія понятія о вѣщахъ окружающихъ насъ, и о самой себѣ; тамъ научился я чувствовать, и давать себѣ отчетъ въ чувствахъ своихъ; тамъ ученѣйшіе мужи Германіи образовали мой разумъ; тамъ, подъ руководствомъ ихъ, вступилъ я въ пространную область наукъ, обозрѣлъ магазины знаній человѣческихъ, собранныхъ въ течение вѣковъ, и при-

сво-

своилъ себѣ опыты временъ прошедшіхъ; тамъ душа моя возраспала вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ, и чувство сего возраспанія радовало меня несказанно. Сердце мое было спокойно, ученье меня веселило, часы отдохновенія имѣли свои пріятности — щасливое время!

Я прожилъ тамъ уже около семи лѣтъ, когда получилъ печальное извѣстіе о смерти отца моего. Она меня тронула, огорчила; однако жъ не такъ сильно, какъ бы смерть хорошаго отца долженствовала огорчить чувствительнаго сына. Причиною этого была долговременная разлука наша, которая въ юномъ сердцѣ моемъ ослабила чувства сыновней нѣжности, загладивъ въ памяти моей образъ ея предмета. Ешьли вы, друзья мои, будеши когда нибудь отцами, и захотите, чтобы дѣти любили васъ нѣжно; и ешьли до того времени не перемѣнишися свойство сердца человѣческаго: то воспитывайте ихъ при себѣ, и не разставайтесь съ ними на долго!

долго! — Но письмо, которое черезъ
иѣсколько мѣсяцовъ послѣ того полу-
чилъ я отъ матери моей, меня очень
распрогало. Оно дышало любовью. Каж-
дая спрока, каждое слово проникало
до сердца. Печальная супруга ожида-
ла упѣшнія отъ сына, которой
оспался въ свѣтѣ единственнымъ ея
сокровищемъ. Она звала его въ свои
осиротѣвшія объятія, — но болѣе
просила, нежели требовала. „Обрадуй
„своимъ присутствіемъ горестное мое
„уединеніе (писала она); возвраши
„мцѣ сына, моего любезнаго, дра-
„жайшаго сына, которому теперъ един-
„ственно посвящено мое сердце; усла-
„ди оспатокъ дней моихъ, и мило-
„сердой Богъ наградишъ тебя за то
„въ теченіе твоей жизни. Еспѣли же
„привязанность твоя къ ученью не
„позволишъ тебѣ такъ скоро оспа-
„вить Лейпцига, то по крайней мѣрѣ
„отпиши ко мнѣ, когда — когда иѣж-
„ная мать твоя можешъ насладиться
„послѣднимъ щаспіемъ въ своей жизни,
„щаспіемъ обнять тебя, милаго своего
„дру-

„ друга , плакать и рыдашь отъ радо-
 „ спи , смотрѣть на пшебя и не на-
 „ смотрѣться . Но ешьли Богу угод-
 „ но будетъ прекрашишь дни мои
 „ до твоего возвращенія , то будь
 „ увѣренъ , что предметомъ послѣд-
 „ ней мысли моей , послѣдняго чувства ,
 „ послѣдней слезы и послѣдняго вздоха ,
 „ былъ ты , любимецъ души моей ! ”

— Я омочилъ бумагу сердечными сле-
 зами , проспился съ моими учитель-
 ми , и съ какимъ-то печальнымъ пред-
чувствиемъ поѣхалъ въ свое отчество ,
 которое сдѣлалось для меня совсѣмъ
чуждо , и въ которомъ не было для
меня ничего драгоцѣннаго , кроме мо-
ей родительницы . Она жила въ де-
ревнѣ близъ Казани ; я спѣшилъ шу-
да — лепѣлъ на дворѣ , на крыльце ,
 въ комнаты — и люди въ черномъ
платьѣ меня встрѣтили . Я запре-
непталъ — предчувствіе менѣ не об-
мануло — за три дни передъ тѣмъ опу-
стили гробъ ея въ землю ! . . . Вотъ
первой ударѣ Судьбы , которой отозвал-
ся глубоко въ моемъ сердцѣ ! Чувства

меня

меня оставили. Пришедши въ память, я велѣлъ вести себя къ ея могилѣ. Тамъ-то, друзья мои, тамъ-то почувствовалъ я, что у меня была мать, и что я лишился ее! Холодная земля согрѣлась отъ слезъ моихъ — и нѣсколько дней сряду, дней тоски и печали, находилъ я единственное утѣшеніе въ томъ, чтобы рыдать надъ ея гробомъ. Мысль, что я могъ бы прїѣхать къ ней еще за долго до ея смерти — могъ бы показать ей всю любовь свою, всю сыновнюю нѣжность, и тѣмъ ощастливить конецъ ея, — мутила меня ужасно. Ахъ! при смерти своей (думалъ я) не имѣла она утѣшения видѣть, что у нее есть чувствительной сынъ! Тысячу разъ упадалъ я на колѣни и молилъ Бога, чтобы Онъ позволилъ ей изъ пѣмы духовнаго міра обратить взоръ свой въ міръ оставленный ею, и видѣть чувства моего сердца!

Наконецъ волненіе скорби во мнѣ утихло; но кончина моей матери покрыла для меня мракомъ все мое опечеспво,

и мнѣ казалось, что въ предѣлахъ его
нѣть для меня ни радости, ни ве-
селія. Выронивъ послѣднюю слезу на
гробъ родительницы, на гробъ отца
моего, спѣшилъ я выѣхать изъ Россіи, и
рѣшился искать упѣшенія въ той землѣ,
которой сполица починалась издавна
столицею забавъ и удовольствій. Я прї-
ѣхалъ въ Парижъ съ деньгами и съ хороши-
ми рекомендаціями; былъ ласково при-
нятъ въ разныхъ домахъ; увидѣлъ велико-
лѣпныя зрелища всякаго рода; плѣня-
лись глаза мои, плѣнялся слухъ мой;
все призывало меня къ упѣхамъ, къ
наслажденію; любовь моя къ наукамъ
и къ художествамъ вездѣ находила
себѣ пищу. Ученые, Артисты меня
ласкали, наспавляли; я восхищался
общимъ тономъ учтивости, и полюбилъ
привѣтливыхъ и благородныхъ Фран-
цузовъ. Вы сами путешесствовали,
друзья мои, и видѣли много земель и
много націй: скажите, какой народъ
умѣетъ такъ обласкать, такъ одол-
жить иностранца, какъ Французы? —

Состѣ. V.

Ц

(Мар

(Мы согласились съ Людоромъ, и онъ продолжалъ свою повѣсть.)

Около трехъ лѣтъ прожилъ я въ Парижъ безвыѣздно, и время сіе прошло какъ пріятной сонъ. Наконецъ душа моя потребовала перемѣны въ удовольствияхъ; охота къ путешествіямъ во мнѣ пробудилась, и я поѣхалъ въ Гишинію, въ сіе отечество романиновъ, которое всегда представлялось моему воображенію въ привлекательномъ видѣ. Тамъ нашелъ я прекрасную землю, прекрасной климатъ; тамъ, палимый лучемъ солнечнымъ, погружался я въ прозрачныя струи тихой Гвадіаны, и наслаждался всѣми пріятностями прохлады; тамъ ошыхалъ я въ пальмовыхъ рощахъ, и не завидовалъ никакой воспочной роскоши. Но бѣдность, невѣжество и суевѣrie жителей; множество тунеядцовъ, которые дано право жить трудами другихъ людей, и которые стараются погашать въ народѣ всякую искру просвѣщенія, для того, чтобы долѣ-

поль-

пользоваться его терпениемъ; необрабо-
танныность земли, опустѣвшіе горо-
да и деревни; нѣкоторое уныніе, нѣ-
которое усыпленіе, видимое во всей на-
ціи — все это производило во мнѣ
непріятный чувствія, и я вздыхалъ о
бѣдныхъ Гишианцахъ, нищихъ среди
богатства и печальныхъ въ обѣашіяхъ
веселой Природы. — Оттуда возвра-
тился я во Францію и прѣѣхалъ въ
Марсель. Тутъ, любезные друзья мои,
узналъ я все щастіе, къ которому
Натура сотворила меня способнымъ
— узналъ, насладился имъ, и по томъ
лишился его на вѣки.

Марсель мнѣ такъ полюбилась,
что я рѣшился прожить въ ней нѣ-
сколько мѣсяцевъ. Вы знаете эпоху
города, средоточіе вос точнаго торгу;
знаете славную его пристань, напол-
ненную кораблями разныхъ націй; зна-
ете прекрасныя его окрестности,
плодоносныя долины и холмы, укра-
шенные цвѣущими садами и сельски-
ми домиками или бастидами. Я по-
знакомился съ лучшими домами, и про-

водилъ время свое или въ пріятныхъ общеспахъ, или въ пріятныхъ уединенныхъ прогулкахъ.

Въ одинъ прекрасной вечеръ отошелъ я отъ города далѣе обыкновен-
наго; солнце, сѣявшее на чистомъ небѣ, закатилось за зеленые пригорки
и скрылось отъ глазъ моихъ; луна
явилась въ серебряной своей ризѣ, и
тихо вызыvalась на голубомъ сводѣ;
блестящія звѣзды, подобно свѣчкамъ,
засвѣтились и засверкали вокругъ ее;
западной вѣтерокъ разносилъ всюду
благовоніе дѣтей, которыми усыпа-
ны поля и луга Провансіе. Я лежалъ
на вершинѣ холма, и смотрѣлъ на зи-
би Средиземнаго моря, которое ми-
нула отъ минуты темнѣло въ гла-
захъ моихъ. Наступила ночь, самая
тихая и пріятная, такая, какою толь-
ко въ южныхъ земляхъ Европы наслा-
ждаться можно. Городъ вдали освѣтил-
ся многочисленными огнями, и вмѣстѣ
съ окружными деревеньками и бастидами
представлялъ глазамъ моимъ нечто
волшебное. Воображеніе мое мечтало;

на-

наконецъ я забылъ все окружавшее меня, и погрузился въ нѣкоторое восхитительное усыпленіе. Но вдругъ нѣжной, гармонической голосъ, соединенной съ тихими звуками гитары, въ вѣянїи въ перка прикоснулся къ моему слуху, и пріятнымъ образомъ возбудилъ душу мою къ чувствованію внѣшихъ впечатлѣній. Я началъ слушать — вѣперокъ несъ его отъ стѣны одного сада. Я пошелъ туда — приблизился къ самой стѣнѣ — приложилъ ухо къ отверстію, въ ней бывшему, и услышалъ слова слѣдующей Кіабреровой пѣсни:

La Violetta

Che in full'eretta
Apre al mattin novella ;
Di, non è cosa
Tutta odorosa ,
Tutta leggiadra e bella ?

Sì certamente ,

Che dolcemente
Ella ne spira odori ;
E n'empie il petto

Di bel diletto
Col bel de' suoi colori?

Vaga rosseggiā,
Vaga biancheggia
Tra l'aure mattutine;
Pregio d'Aprile
Via più gentile —
Ma che diviene al fine?

Ahi, che in brev' ora,
Come l'Aurora,
Lunge da noi sen vola —
Ecco languire,
Ecco p' rire
La misera Viola (*).

Ни.

(*) Не прекрасна ли філка,
Не прельщаетъ ли собой?
Не амброзій ли дышетъ,
Утромъ расцвѣтя весной?

*

То алѣеть , то блѣдетъ
Сей цветочикъ въ красный день;
Сладкій духъ свой изливаеть ,
Кроясь въ травѣ подъ кустомъ,

*

Никогда еще, любезные друзья мои, никогда не чувствовалъ я отъ пѣнія такого удовольствія, какое тогда почувствовалъ; голосъ (онъ былъ женской) сливался съ тонами струнъ, проникалъ мнѣ прямо въ сердце, и разливалъ неописанную сладость по всѣмъ его фибрамъ; грудь моя томилась въ нѣжныхъ чувствахъ; я падалъ въ восторгахъ, и слезы сприлились изъ глазъ моихъ. Вдругъ пѣніе умолкло; я все слушалъ, — но тщетно! вездѣ царствовало глубокое молчаніе. Мнѣ захотѣлось видѣть небесную пѣвицу — сердце мое говорило, что она прекрасна: кто же не вѣритъ сердцу? Я смотрѣлъ въ отверстіе, но не видалъ ничего, кроме зелени и мрака. Любопытство меня мучило; я пошелъ подъ спѣны, и къ пріятному моему удивленію нашелъ садовую дверь

Что же съ нѣжною фіалкой,
Что же будетъ наконецъ?
Ахъ! нещастная томится,
Сожнеть, исчезаетъ вдругъ.

до половины растворенную. Вы сами догадаетесь, что я не усомнился войти въ садъ, хотя весьма бережно, — безпрестанно осматриваясь вокругъ, перекрадываясь изъ алеи въ алсю и боясь ступить на траву всею ногою, чтобы не сдѣлать шуму и не испугать моей пѣвицы. Но долго искалъ ее тщетно, и началъ уже думать, что она ушла изъ саду, какъ вдругъ, сквозь рядъ деревьевъ, увидѣлъ на берегу чистаго бассеина сидящую молодую Турчанку. Вы видѣли ея изображеніе, друзья мои; но оно не представляетъ ни тысячишной доли ея прелестей. Еспѣли бы вы тогда на нее взглянули, какъ она на дерновомъ канапѣ сидѣла, устремивъ блестящіе черные глаза свои на свѣтлой мѣсяцѣ, которой съ высоты лобызalъ ее своими лучами, и освѣщалъ снѣжную бѣлизну лица ея, алыя щеки, алыя губы, подобныя розѣ, къ которой ни дыханіе бури, ни рука смертнаго не прикасалась! Еспѣли бы вы по крайней мѣрѣ взглянули на зыблющійся образъ ея въ кри-

кристальной водѣ бассеина, образъ, которымъ, казалось, и самыя спруи любовались! Безъ того замъ трудно имѣть понятіе о чувствахъ, съ какими я разсматривалъ незнакомую красавицу, стоя неподвижно подъ вѣтвями дерева и спрашась дыханіемъ своимъ пошевелить на нихъ листочкъ, чтобы не прервать священнаго молчанія, которое вокругъ ее всѣ предметы соблюдали. Наконецъ она вспала — прелестной ростъ, прелестной станъ! — посмотрѣла вокругъ себя, сняла съ головы своей бѣлую, кисейную чалму, на которой блесталъ крупной вос точной жемчугъ — черные волосы ея покатились по плечамъ, и упали почти до самой земли. По томъ разстегнула она верхнее свое плащье, скинула его — треаешь разлился по моимъ жиламъ — я увидѣлъ грудь, бѣлѣе Паросскаго мрамора, подобную полному мѣсяцу, — грудь, которая могла бы служить моделью Фидесу, когда онъ образовалъ Медицейскую Венеру. Тумъ иракъ покрылъ глаза мои — я

не видалъ болѣе ничего, и черезъ нѣсколько минутъ, какъ будто бы сквозь пріятной сонъ, услышалъ въ бассейнѣ тихое плесканье. Ночь была тепла — прекрасная Турчанка освѣжалась въ прохладномъ кристалѣ. — Но скоро упоеніе чувствъ моихъ прервалось отъ сильнаго лая; я вздрогнулъ, и увидѣлъ подлѣ себя маленькую собачку, которая со всѣхъ сторонъ на меня бросалась, хватала за полу и падала госпожъ своей громкую вѣстъ о близости чужаго человѣка. Признаюсь, что я испугался и не зналъ, что дѣлать; наконецъ, опомнившись, побѣжалъ къ дверямъ, — къ щасшю скоро скакалъ ихъ, и вышелъ изъ саду. Часы мои показывали полночь; я возвратился въ городъ, и въ великомъ упомленіи бросился на постелю. — нѣ.

(Продолженіе спредъ.)

V.

ПЕРЕВОДЪ изъ Le Voyageur sentimental.

Far Mr. Vernes le fils.

Слѣпой и дочь его,

О чёмъ ты сокрушаешься, спаричокъ? — „Ахъ, государь мой! не видали ль вы моей дочери?“

Отвѣчавшій мнѣ сїе спарикъ былъ слѣпъ, и сидѣлъ на пнѣ подлѣ ручья. Котомка, посохъ, на которой опирался онъ трясущимися руками и согбеннымъ отъ времени тѣломъ, затворенные глаза, жалобный голосъ — все сїе заставило меня думать, что Провидѣніе забыло единаго изъ чадъ Своихъ. Одинъ только ручей, съ тихимъ журчаніемъ близъ него текущій, казался мнѣ соспраждущимъ его печали.

Развѣ нѣтъ у тебя никово, добренькой спаричокъ, кшо бы тебя водицъ могъ? — Никово, отвѣчалъ онъ, поднявъ немного голову, и сказавъ слово сїе такимъ голосомъ, отъ кото-раго вся Природа показалась мнѣ опу-

стѣв-

спѣвшему. — Какъ! никово? — „Ахъ, государь мой! жена, осьмеро дѣтей, все менѣ оставили! Слѣпъ, спаръ, нищъ . . . однако жъ я прощаю имъ., — Онъ прощалъ имъ! — — „Но дочь моя! . . . дочь моя!,, продолжалъ онъ, тяжко вздыхая. — Ты говоришь о своей дочери? — „Ахъ, сударь! и какая дочь! Та, которую я презиралъ, когда имѣлъ дневное пропитаніе, и которая въ нищетѣ моей одна только мнѣ и помогала.,, — Когда жъ она оставила тебя? — „Севодни поутру . . . но эпо въ первой разъ.,, — Такъ ты не съ молодыхъ лѣтъ былъ нещастливъ? потому что дожилъ до такой спарости.

Бѣдный спарикъ вздохнулъ и рассказалъ мнѣ вкрапцѣ повѣсть свою. Въ потѣ лица трудился онъ для того, чтобы скопить нѣсколько сотъ червонныхъ, которыхъ лишился по томъ банкротствомъ своего заимщика, и послѣ сей потери не могъ исправиться.

Десять лѣтъ уже, какъ лишился зрѣнїя (продолжалъ онъ, указывая пальцомъ на мѣсто запворенныхъ глазъ

глазъ), и ежедневно молю Бога, чтобы Онъ послалъ мнъ смерть. Многіе изъ злополучныхъ имьющъ по крайней мѣрѣ надежду; а мнъ одному никаковой не осталось. (Тутъ опустилъ онъ руки и молчалъ нѣсколько времени. По томъ, испустивъ скорбный вздохъ, продолжалъ) О! когда бы не было у меня дочери, давно бы уже пересталъ я сѣповать; но сколько разъ ни предпринималъ окончить бѣдственную жизнь свою голодомъ, бѣдная дочь моя заливалась слезами, обнимала колѣна мои, называла меня отцомъ своимъ, любезнымъ отцомъ . . . и такимъ нѣжнымъ голосомъ . . . Однако жъ до сихъ поръ ко мнѣ не возвращается! . . . Неужели она оставила меня умереть на этомъ мѣстѣ, не принявъ отъ меня послѣдняго цѣлованія. . . не принявъ благословенія родительскаго! . . . О Боже! теперь чувствую, что и Ты меня оставилъ!

Голосъ, каковымъ произнесъ онъ слова сїи, вселилъ въ меня трепетъ; слезящія очи мои также обратились

на небо . . . О Существо существъ!
оспавиши ли Ты его! . . .

— Старикъ благодарилъ меня. Я
съ сокрушеніемъ сердцемъ удалился,
и былъ уже въ нѣкоторомъ разстоя-
ніи отъ нещастнаго, какъ увидѣлъ
дочь его, которую глаза мои искали.
Тотчасъ возвратился я къ старику,
чтобы сказать ему вѣсть сю, кото-
рую за все злато міра не хотѣлъ бы
препоручить другому. . . Доброй ста-
рикъ еще разъ насладился въ жизни
своей радостнымъ мгновеніемъ.

Дочь его прибѣжала безъ души . . .
На пищу злополучному отцу своему
ходила она собирать милосердію въ
отдаленныя селенія. Видѣя возбу-
дилъ во мнѣ чувствованія жалости,
удивленія, почтенія . . . Ежели бы
бѣдствіенный жребій довелъ меня ви-
дѣть въ ея ру比щъ ближайшую род-
ственницу мою, то я не успѣхъ бы
ее . . . и даже при многолюдномъ со-
браніи.

Съ какою нѣжностію добросердеч-
ный сей отецъ, добросердечная дочь

сія обнимались! О Руссо! О Ричардсонъ! гдѣ вы? Естьли бы такое зре- лище близъ вашихъ гробницъ происхо- дило, вы проснулись бы — видѣшь сего, и описать.

Ты ли это, любезная моя *Сара*, ты ли? говорилъ старикъ, проспирая трепещущія руки, которыя, вмѣсто глазъ, искали его дочери.. Гдѣ ты? .. гдѣ ты? .. Дай мнѣ прижать тебя къ моей груди! .. Ты шутъ, .. шутъ, любезнѣйшая дочь! .. Долго ты не возвращалась.. Ахъ! я бо- юсь и на минуту безъ тебя оставль- ся! — *Сара*, чувствуя себя несправед- ливо укоряему, цѣлуетъ чело по- чтеннаго родищеля, и омочаетъ сле- зою сѣдыя власы его. . .

Человѣческво возвѣсило слезу сю прошиву добродѣтелей, и она пере- вѣсила всѣ оныя.

— Не сомнѣвался я, дражайшал дочь моя; увѣренъ былъ, что ты при- дешь! .. Подойди ко мнѣ, подойди; дай еще себя обнять! .. — Безъ со- мнѣнїя, сказалъ я Сарѣ, не оставилъ

ты

ты никогда доброго спарика; безъ со-
мнѣнія будешь всегда поставлять себѣ
въ честь служить ему, не взирая на ни-
щету его — не такъ ли, Сара? —
„Какъ, сударь, развѣ вы не знаете,, . . —
Что? — „что это мой отецъ?,,

Какое слово! Сколь униженнымъ
ощущилъ я себя противу сей дочери!
Отецы! матери! отложите *Ка-
техизесы*, и заспавьте дѣлъ вашихъ
читашь сюю главу!

Людовикъ и Нина.

Птица гробная! птица гробная!
— и я увидѣлъ крестьянина, продира-
ющагося въ чащу густаго лѣса. Имѣя
время разсмотрѣть лице его, примѣ-
тилъ въ немъ иѣчто привлекательное;
но впавшія щеки и тусклые глаза яв-
ляли знаки лютѣйшей печали.

Птица гробная! птица гробная!
повторялъ я въ продолженіе пупи,
стараясь постигнуть въ словахъ сихъ
скрывающуюся мысль. Мракъ, которыи

зима

зима и ночь покрывали Природу, рас-
полагалъ меня къ уразумѣнію оныхъ;
и вспоминалъ привлекательный видъ
сего человѣка, почталь его не-
щастнымъ, и плачевный вопль его въ
сердцѣ моемъ отзывался.

Прѣхавъ въ Акланъ, и освѣдо-
мясь о немъ, просилъ я показать мнѣ
домъ отца его, и рассказалъ ему слы-
шанное мною. Добродушный старикъ,
благодаря съ чувствительностию за
пріемлемое мною участіе въ сынѣ его,
пожалъ съ нѣжностію мою руку, по-
садилъ меня, и потчиваля лучшимъ
изъ погреба своего виномъ. Я не
имѣлъ - было ни малаго желанія пить;
но убѣдительный голосъ его произ-
велъ оное. Я выпилъ за его здоровье,
онъ за мое, и мы сдѣлались постчасъ
друзьями.

Разведши огонь, и надѣвъ очки;
просилъ онъ меня разказать сно-
ва слышанное и видѣнное мною;
а между тѣмъ вздыхалъ и гово-
рилъ со мною такъ, какъ будто бы
причина печали его была уже мнѣ из-
Составъ V.   Ч

въспна. По томъ долго хвалилъ онъ добрая свойства сына своего, не разсказавъ его исторіи. Я не имѣлъ времени медлить; однако же не скучалъ, и видя въ немъ отца, и притомъ злополучнаго, раздѣлялъ съ нимъ удовольствіе, которое находилъ онъ въ томъ, чтобы помнить меня.

— „Такъ вы его видѣли, государь мой? „ — Да, мой другъ, видѣлъ; чѣмъ же съ нимъ сдѣлалось? — „А вонъ чѣмъ! . . . бѣдной мои Людовикъ влюбленъ былъ въ Нину . . . Не знали ль вы ее, государь мой? „ — Нѣтъ. — „О! эта девушка была сокровище въ нашей деревнѣ, и краше всѣхъ подругъ своихъ, которыя, не смотря на то, сердечно ее любили. Сынъ мой былъ отъ нее безъ ума; понравился и ей . . . Оба они какъ будто другъ для друга родились. . . Онъ посвящался за нее; родственники ея согласились, — такъ чѣмъ Нина, я, сынъ мой и вся деревня почипали себя щасливыми. День свадьбы былъ уже назначенъ . . .

но здругъ болѣзнь . . . и Нина умерла . . .

Сказавъ сіе, доброй спарикъ возвѣлъ взоры свои къ Небу, какъ будто бы требуя отъ Него въ томъ отчеша; вскорѣ однако жь опустилъ ихъ на сложенные свои руки, и уронилъ на оныя капли при слезѣ . . . толико скорбь изсушила ихъ источникъ! По томъ, положивъ мнѣ руку на колѣно, собирался съ силою, чтобы воспрѣять голосъ, чувствованіемъ скорбей его отъятый. — „Такъ, сударь, Нина умерла . . . умерла! . . . Для чего и сынъ мой не умеръ съ нею? Тогда лишился бѣ онъ только жизни . . . и я перенесъ бы этотъ ударъ . . . но теперь лишился онъ ума! . . . Видите вы сами, государь мой, осталось ли мнѣ хощя малое на свѣтѣ семъ благополучіе! . . . , — Любая печаль склонила его голову, которую я поддержалъ препещущими руками . . .

— Нещастный сынъ мой всякой день ходилъ плакать на кладбище; иногда оставался шамъ и ночь, и

я находилъ его по упру лежащаго на землѣ, покрывающей Нину. Скоро по томъ онъ пересталъ уже выходить изъ своей комнаты, и не допускалъ никого туда войти. Видя его близъ смерти, раздвинулъ я доски въ загородкѣ, желая узнать, что онъ дѣлаетъ. Ахъ, Боже мой! неудачный выкопалъ гробъ своей Нины, поставилъ его въ головахъ постели, и поѣсилъ надъ нимъ спѣнныя часы. Когда часы били, онъ думалъ, что слышитъ голосъ Нины, которая будто бы зоветъ его соединиться съ собою. Тогда упавъ передъ гробомъ на колѣна, обнималъ его, и пѣлъ плачевнѣйшимъ голосомъ:

*Вскрѣ, Нина, ахъ! тотгасѣ
Гробъ одицѣ скроетъ насѣ.*

Я было надѣялся, что безпрестанный плачъ ушишитъ его горесть; но ахъ, государь мой! . . . однажды, видя, что онъ нейдетъ въ обыкновенный часъ къ обѣду, вошелъ я къ нему въ горницу и нашелъ его лежа-

ща-

щаго безъ чувствъ близъ плачевыхъ
остапковъ Нины. Въ изспущеніи
любви своей открылъ онъ гробъ,
ища въ немъ любезной . . . Но не
нашедши ее, упалъ въ обморокъ.

Я велѣль унесли гробъ; и когда
сынъ мой пришелъ въ чувство, то я
удалился, показывая, будто ничего
не знаю. Не известно мнѣ, чѣму
приписывалъ бѣдный Людовикъ похи-
щеніе любезной его Нины; но оно не
возвращило ему разсудка. Безпрес-
танно плачешь, беспрепанно ее
именуешь. Какъ скоро услышишь, что
запоешь пѣтухъ, зазвонишь колоколъ,
закричишь птица, что лишаешься ума,
и думаешь, что Нина зовешь его.
. . . Ахъ! она не долго будешь его
звать! . . Да и я . . и я . . .

Оба мы умолкли. Злополучіе сего
доброго отца превосходило силу вся-
каго ущѣшенія. Случившися въ комна-
щѣ собачка, видя его плачущаго, и
показываясь сострадающею въ горе-
сти его, начала было къ нему ла-
скаться; но печальный старикъ от-

шолкнуль ее, не смотря глазами, да бы ничего скорби его не мѣшало.

Примѣръ собачки сей подалъ мнѣ смѣлость. Я спаился изобрѣсти упѣщеніе, какое самъ желалъ бы получить въ подобномъ случаѣ; искалъ, и не нашелъ . . . какъ вдругъ явился Людовикъ. — „Ахъ, баринъ, баринъ! не видалъ ли ты Нины?,, . . . Сумасшедшій его взоръ, блѣдное и изсохшее лицо, претерпѣваемое имъ мученіе, — все спѣсняло мое сердце, . . . и я не могъ ему оправдаться. — „Любезной мой Людовикъ!этотъ господинъ не видалъ ее, однако жъ очень любилъ., — „Любишъ! — повторилъ нещастный нѣжнѣйшимъ голосомъ — любишъ! . . . И меня любила Нина . . . любила . . . сполько любила! . . . сполько!,, . . . Но не могъ окончить . . . Страшная судорога стянула его жилы; отецъ посадилъ его къ себѣ на колѣна. Злополучный юноша, вынувъ свой плашокъ, началъ утиратъ родительскія слезы, и штилься упѣшишь его въ собственной печали;

чали; но вскорѣ по томъ углубясь въ мрачную задумчивость, закрылъ глаза, опустилъ голову на плечо отца своего, и лишился чувствъ, произнося имя Нины.

Старикъ и я были безмолвны, поступивъ глаза въ землю, и не смѣя возвестить ихъ на Небо... чтобы не оскорбить Оное грѣховнымъ роптанiemъ.

Переводъ Иванъ Захаровъ.

VI.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА.

(*Продолженіе*).

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, почти безпрепятственно спускаясь съ горы. Первой примѣчанія доспойной предметъ, которой встрѣтился глазамъ моимъ на сѣмъ пути, былъ такъ называемой *розенлавинглешерѣ*, самой прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ

мидъ, гордо возвышающихъ острый
свои вершины. — Мракъ древнихъ,
высокихъ елей укрывалъ меня отъ жа-
ра солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣ-
довъ человѣческихъ; дичь и пустопа
представлялись вездѣ глазамъ моимъ.
Съ сѣдыхъ, мысльныхъ скалъ упадали
кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ
раздавался по лѣсу. Но далѣе спу-
скаясь въ долину, находилъ я прекрас-
ные благовонные луга, какихъ лучше
вообразить не льзя — и, къ удивле-
нію моему, не видалъ на нихъ дасу-
щагося скота. Не повѣрите, друзья
мои, какъ пріятель видѣ зелени по-
слѣ голыхъ камней и снѣжныхъ гро-
мадъ, упомиавшихъ мое зрѣніе! На
всякомъ лужкѣ отдохнулъ я по нѣсколь-
ку минутъ, и естѣли не губами, то
по крайней мѣрѣ глазами своими цѣло-
валъ каждую травку вокругъ себя. —
Я пришелъ въ маленькую горную дере-
веньку, которой жишли ведущъ па-
спушью жизнь во всей проспѣхъ ея,
не зная ничего, кроме скотоводства,
и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣ-
ла-

дають большие сыры, и черезъ Валисъ-
довъ отправляютъ ихъ въ Италію.
Сырные анбары построены изъ тон-
кихъ бревенъ на высокихъ сполбахъ
или подпорахъ, для того, чтобы
воздухъ могъ отовсюду проходить въ
нихъ.

Жажда меня томила. Я останово-
вился подлѣ одной хижинки, споящей
на берегу чистаго ручья, и видя мо-
лодаго пастуха, у дверей сидящаго,
попросилъ у него чашкана. Онъ не
скоро понялъ меня; но понявъ, то п-
часъ бросился въ свой домикъ и вынесъ
чашку. Она чиста, сказалъ онъ ху-
дымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая
мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, по-
черпнулъ воды, и опять вылилъ ее
назадъ — посмотрѣлъ на меня и
улыбнулся — почерпнулъ въ другой
разъ, и опять вылилъ — посмотрѣлъ
на меня и засмѣялся — почерпнулъ
въ третій разъ, и принесъ мнѣ, го-
воря: пей, доброй теловѣкѣ, пей нашу
соду! Я взялъ чашку, — и естѣли
бы не побоялся пролить воды, то ко-

нечно бы обнялъ добродушнаго паспуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: споль любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Ахъ, милые друзья мои! для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были паспухами и братьями! Я съ радостю отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя наскъ подлинно щастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались они любовью (ибо никогда ничего не запрещало имъ говорить другъ другу: я люблю тебя, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны) —, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь же лище и одежда наша покойнѣе: но

докойнѣе ли сердце? Ахъ, нѣтъ! ты-
сячи заботъ, тысячи беспокойствъ,
которыхъ не зналъ человѣкъ въ есте-
ственномъ своемъ состояніи, терза-
ющій нынѣ внутренность нашу, и вея-
кая пріятность въ жизни ведетъ за
собою тьму непріятностей. — Съ си-
ми мыслями пошелъ я отъ пастуха;
нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и
примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня
взорами своими, въ которыхъ напи-
сано было желаніе: *поди, и будь ща-
стливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ
всего сердца желалъ ему щастія; —
но онъ уже нашелъ его!

Сильной шумъ прервалъ нить мо-
ихъ размышеній. Что это значитъ?
спросилъ я у проводника моего, остано-
вясь и слушая „Мы приближаемся къ
Рейхенбаху, отвѣчалъ онъ, славнѣй-
шему Альпійскому водопаду.., — Хотѣ-
лутешествующій по Швейцарскимъ го-
рамъ безпрестанно видитъ каскады,
безпрестанно орошаются ихъ брызгами,
и наконецъ смотритъ на нихъ равно-
душно; однако жъ мнѣ очень хотѣлось

видѣть первый изъ Альпійскихъ водопа-
довъ. Отдаленной шумъ обѣщалъ мнѣ не-
что величественное; воображеніе мое
спрѣцилось къ причинѣ его — но тутъ
вдругъ открылось мнѣ другое велико-
лѣпие, которое заставило меня на время
забыть Рейхенбахъ. Ахъ! для чего я не
живописецъ! для чего не могъ въ ту
минуту изобразить на бумагѣ плодоно-
сную зеленую долину Гасли, которая въ
видѣ прекраснѣшаго цвѣтуЩаго сада
представилась глазамъ моимъ, между
дикихъ, каменныхъ, небеса подпираю-
щихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и
между ими маленькие деревянные до-
мики, составляющіе мѣстечко Мейрин-
генъ — рѣка Ара, спремяющаяся вдоль
по долинѣ — множество ручьевъ,
ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и
съ серебряною пѣною текущихъ по
бархатной муравѣ: все сїе вмѣстѣ об-
разовало нѣчто романическое, пѣни-
шельное — нѣчто такое, чего я отъ
роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои!
не должно ли мнѣ благодарить Судьбу
за все великое и прекрасное, видѣн-
ное

Ноे глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — опѣ всего сердца!

— Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотретьъ на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти опять на высокой пригорокъ и спустившись съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлажненной водяною пылью, лепящею опѣ камса да. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія, облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣтили. Однако жъ я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той, яростнѣю воды ископаиной ямѣ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлия дерева, вспрѣчающіяся его стремленію. О! если бы можно было описать ту ужасную быстроту, съ которой волна за волною несетсѧ въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхъ подымаясь, будучи опровергена вѣчно-

кипящую пучиною онаго, и распредѣ-
страняя вокругъ себя бѣлые облака
влажнаго дыму! Но щѣстно воображе-
ніе мое идешъ сравненія, подобія,
образа! . . Рейнъ и Рейхенбахъ, ве-
ликолѣпныя явленія, величественные
чудеса Природы! въ молчаніи удив-
ляясь будешъ замѣтъ всякой, имѣющей
чувство; но кто можетъ изобразить
васъ кистью или словами? — Я почти
совсѣмъ чувствъ лишился, будучи о-
глушенъ гремящимъ громомъ паденія,
и упалъ на землю. Моря водяныхъ
частичекъ лились на меня, и пришомъ
сь такими порывами вихря (произво-
димаго въ воздухъ силою падающей во-
ды), что боясь смертельной проспу-
ды, я долженъ былъ черезъ нѣсколь-
ко инутъ удалиться отъ сего мѣ-
ста. Всякой, взглянувъ на меня, по-
думалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки;
ни одной сухой нитки на миѣ не о-
сталось, и вода текла съ меня ручь-
ями, подобно какъ съ какой нибудь
Альпийской горы.

До Мейрингена оставалось мнъ
не болѣе трехъ верстъ, и дорога бы-
ла уже не такъ трудна, какъ на схо-
дѣ съ вершины Шайдека; но сїи при-
версты довели усталость мою до
высочайшей степени, потому что жаръ
въ долинахъ бываешьъ несносенъ. Лу-
чи солнечные отпрыгивающъ отъ го-
лыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, про-
изводяще духоту, весьма рѣдко вѣ-
щеркомъ прохладающую. Женщины,
вспрѣчавшія мнъ, смотрѣли на ме-
ня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ
жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрин-
генъ состоишъ изъ маленькихъ дере-
вянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по
долинѣ въ великомъ разстоянїи одинъ
отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ
совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живущъ
въ безпрестанномъ шумѣ, происходя-
щемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и
отъ другихъ каскадовъ. Иногда сїи
ручьи, будучи наполнены снѣжною во-
дою, низвергающся въ долину съ такою
яро-

проспѣю, что заливаютъ домы поселеніе, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они спрашное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставитъ милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣніями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколько прекрасна здѣсь Нашура, столь прекрасны и люди, а особенно женщины, изъ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горные розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивились ли вы, еспѣли я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго Мейрингена. Но жаль, что здѣшнія красавицы иемного безобразятъ себя одеждой; на прим. юбку подвязываютъ онѣ подъ самыми плечами, и потому кажется, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. — Здѣсь нашелъ я очень хорошій практиръ

миръ. — Въ *тасовѣ ноги*. Вечеръ проведенъ мною очень пріятно. Я гулялъ по долинѣ, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подъ лѣтомъ одного домика множесство молодыхъ мушинъ и девушки, которыя между собою играли, прыгали и развлекались. Тутъ праздновали свадьбу. Мне не трудно было узнать жениха съ невѣстою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; глаза ихъ были на слезѣ; они ходили развязившися вмѣстѣ съ другими, но нѣжная помножность, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, отличала ихъ отъ прочихъ пастуховъ и пастушекъ. Я подошелъ къ невѣстѣ и къ жениху, пощупалъ по плечу послѣдняго, и сказалъ ему: „ты очень щастливъ, мой другъ!“, Невѣста взглянула на меня, и въ выразительномъ взорѣ ея прочиталъ я скромную благодарность за мой комплиментъ. Какъ нѣжно чувствовалъ въ Альпийскихъ пастушкахъ! Какъ

хорошо понимаютъ онъ простой языкъ сердца! Паспухъ съ улыбкою посмотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣтились: какое краснорѣчіе! Тутъ странная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захотѣлось оставить будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, котоrой бы, въ теченіе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ пушечный спасенникъ, изъ отдаленнѣйшей страны сѣвера, былъ при ихъ, сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердецъ. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль — не золотую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на котоrой была изображена голова Греческаго юноши, и которую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. „Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства. „Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. „Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстѣ, прошу тебѧ

тёбя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ доброго сердца.,, — *А об какой земль родились вы?* спросилъ старики, сидѣвшій на бревнѣ. — „Въ Россіи.,, — *Въ Россіи!* — да, я слыхалъ обѣ этой земль отъ стариковъ нашихъ. *Да гдѣ-бішь она?* — „Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ сѣверу.,, — *Точно;* я это помню. — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептались; послѣдня взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, которой повернулъ ее въ рукахъ, и опять возвратилъ ей. Я радовался щасливою чепою, и въ мысляхъ своихъ читалъ Галлеровы спижи (изъ его Поэмы: *Die Alpen*, т. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut Fein Donner-Wetter;
Man liebet fü r sich selbst, und nicht fü r seine Väter.
So bald ein junger Hirt die sanfte Glut empfinden,
Die sieht ein schmaßtend Aug in dunkeln Geistern schürt,

So wird des Schäfers Mund von keiner Furcht
gebunden;
Ein ungeheuchelt Wort bekennet, was ihn rüht;
Sie hört ihn, und, verdient sein Brand ihr Herz
zum Lohne,
So sagt sie, was sie fühlt, und thut, wornach
sie strebt;
Dann zarte Regung dient den Schönen nicht zum
Höhne,
Die aus der Anmuth fließt, und durch die Zu-
gäng lebt.

— — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler Pracht
belästigt;
Er liebet sie, sie ihn, dies macht den Heuwrathb.
Schluß.
Die Eh wird oft durch nichts, als beyder Treu-
befestigt;
Für Schwüre dient ein Ja, das Siegel ist ein
Kuß.
Die holde Nachtigall grüßt sie von nahen
Zweigen;
Die Wollust deckt ihr Bett auf sanft geschwol-
nes Moos,
Zum Vorhang dient ein Baum, die Einsamkeit
zum Zeugen,
Die Liebe führt die Braut in ihres Hirten Echoß.
O dreymahl seligs Paar! Euch muß ein Fürst be-
neiden,
Dann

Dann Liebe balsamt Gras, und Ekel herrscht
auf Seiden. (*)

Межу тѣмъ солнце сѣло ; пасушки и пастушки начали расходиться по домамъ. Я проспился съ женихомъ, съ невѣстою — и еспѣли бы Альпійскія красавицы были не такъ стыдливы, то, можетъ быть, пришло бы мнѣ на мысль попробовать отъ нее . . . невиннаго подѣлуя !

Ш 3

Де-

(*) „Здѣсь любовь пылаешь свободно, никакой грозы не спрашася ; здѣсь любашь для себя, а не для отцовъ своихъ. Когда молодой пастушъ почувствуешь нѣжную страсть, кошорую прекрасныя очи легко воспаляющъ въ веселомъ сердцѣ, то усна его не таяшь онай. Пастушка внимашь ему , скажываешь свои чувства , и слѣдуешь движенью своей склонности , еспѣли онъ достоинъ ся сердца ; ибо сіе движеніе, рождающее пріятношти и пищаемое добродѣтелию , не постыдно для красавицы. Сущная пышность не пяляюща спрасныхъ желаній ; онъ любишъ ее , она его любашь — симъ заключающа бракъ , кошорой часто одною взаимною вѣриносщю утверждающа ; согла-

сіе

Деревня Трактъ, на бересу Бриницкаго
озера, въ 8 часовъ вечера.

Вопѣ конецъ моего пѣшеходства! Ноги у меня очень болятъ, и лицо мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своеи бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Тракта идешь долиною, и хотя очень пріятна, однако жь не могу сказать обѣ ней ничего примѣчанія достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьющи поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ другого повалишъ, зришeli кричатъ: *браво!* Между

сѣ служиши вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный соловей поздравляетъ ихъ съ ближнихъ вѣтвей; мягкая шрафа ешь брачное ложе ихъ, дерево завѣсъ, уединеніе свидѣтель, и любовь приводишъ на тешу въ объятія молодаго пасуха. Благословенна чеша! Цари должны завидовать вамъ; ибо любовь напаешь мураву бальзамомъ, а на шелкажъ мучашся ошпареніемъ.

жду тѣмъ я сижу подъ окошкомъ, посматриваю ни веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ практирщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ поиманной. Завтра поплыту на лодкѣ въ Унтерзенъ, а оттуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ странствующій другъ вашъ, который на горахъ и въ долинахъ обѣ васъ думаетъ! — Будьте здоровы и благополучны!

Унтерзенъ. Сей часъ пришелъ я въ здѣшній практиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахта, пристала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильной дождь промочилъ меня насѣвъ; однако жъ, плывя по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которые, будучи покрыты облаками, дымились какъ Эпны или Везувіи. Теперь, въ ожиданіи обѣда,

сушусь и приготвляюсь опять къ путешесмію. Дождь все еще не пересталъ.

Тунѣ, 8 часовѣ ветера. Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашей лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, беспрощанно кричали; одна изъ нихъ упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Что принадлежитъ до меня, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которые разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь пересталъ, и благодѣтельное солнце высушило мое платье. Пріѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, сталъ опять совершенно здоровъ. — Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ оспались мои пожилки.

Бернъ, 10 Сентября

1789.

Возвращаясь съ Альпийскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней, и притомъ очень не скучно: то посещалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно; то прогуливался за городомъ — чипалъ — писалъ. Третьяго дня водилъ меня Пасторъ Штапферъ къ Господину Шренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ птицъ, множества древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасной, за городомъ на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. По сїе время онъ холостъ — а ему шеперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправлявшъ должность приворотника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все опрѣдѣнно чисто. Сей спарикъ богатъ —

наслаждается Нашурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ отъ наслѣдства, полученнаго имъ нечаянно послѣ одного дальнаго свойственника. — Участъ Орнитологи въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ птицъ, анатомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлать изъ нихъ чучелы: вотъ основаніе шого полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной женѣ*. Думаю, что вы читали или слыхали о семъ памятнике, кошораго испортія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знанной Бернской гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ,

банкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наль, и подрядилъ его сдѣлать мраморной монументъ ошцу своему. Наль, занимаясь сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣдника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышной Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золоту, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золото все испортитъ; но его не слушали, и гордой художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сїе время умерла родами жена Лангансова, молодая, прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ пла-
каль вмѣстѣ съ неуспѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молнии, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ
векеніе временъ!* Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: „Слезы наши текутъ, и въ „, прахъ исчезаютъ; изящныя произве- „, денія художествъ живутъ вовѣки — „, рука моя, повинуясь сердцу, из- „, образитъ на камнѣ твою любезную;

,, жители отдаленныхъ земель захо-
,, шатъ видѣть сїе изображеніе, и въ
,, сравненіи съ онымъ будутъ прези-
,, рапъ Эрлахской памятникъ.,, — Ска-
залъ, и сдѣлалъ.

Онъ представилъ мать (прекра-
сная Греческая фигура!), воскресающую
вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гроб-
ный распался. Она поднимаетъ го-
лову; одною рукою держитъ сына, а
другою хочетъ отвалить камень, и
между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ
слушаетъ небесную музыку, пробуж-
дающую мершыхъ. Сія мысль пре-
красна, и доказываетъ пітической
духъ Художника; работа оправдываетъ
ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику
следующую надпись, влагая оную въ
уста воскресающей: „Се трубный
„глазъ! онъ проницаетъ въ могилу.
„Пробудись, сынъ мой, сынъ печали,
„и сложи съ себя плѣнность! Спѣши
„во срѣшеніе твоему Искупителю,
„отъ Котораго бѣжитъ смерть и
„время; въ вѣчное благо превращаем-
ся все страданіе.,, Надпись хороша;

но для первого моменша, въ кошо-
ромъ представлена воскресающая, слиш-
комъ плодовита. Лучше бы было,
еспѣли бы она сказала только: *Гру-
бый гласъ! . . . Пробудись, сынъ мой!*
се Спаситель! — Нѣкоторые дума-
юшъ, что Художникъ не искусственно
представилъ распавшійся камень,
а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его,
вырѣзавъ прежде на немъ надпись; но
ревностные защищники искусства смѣ-
ются надъ сею мыслію. Повише Гал-
леровой надписи вырѣзанъ спихъ изъ
Св. Писанія: *Се азъ и гадо мое, еже
далъ ми еси Ты.* Жаль только, что
сей прѣкрасной монументъ поставленъ
очень дурно! Онъ совсѣмъ скрытъ подъ
поломъ, и чтобы видѣть его, то на-
добно поднять двѣ доски. Объ Эрлах-
скомъ пышномъ памятнику не скажу
ни слова: художникъ не хопѣлъ, что-
бы обѣ немъ говорили. — Нынѣшній
Гиндельбанкской Проповѣдникъ не могъ
бы подружиться съ Налемъ; въ физіо-
номіи его не примѣшилъ я ничего
Пастырскаго, и ничего такого, что

бы

бы показывало чувство. Какъ онъ училъ своихъ поселенъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкѣ есть бѣдной трактиръ, въ которомъ я едва могъ утолить свой голодъ; споѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ попрѣбъностей; но болѣе вниманія заслуживающъ латы древнихъ Бернскихъ Героевъ, славныхъ храбростю и дѣлами своими. Самые большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ Гигантъ — и если мы хотѣлъ взять приступомъ неба, то по крайней мѣрѣ ужасъ былъ его предпечею, когда онъ шелъ пропивъ непріятелей. Не знаю, любезные друзья мои, какой хладъ разливается по моимъ жиламъ при видѣ памятниковъ рыцарского времени, когда люди всего болѣе вѣрили руку своей и — Прорѣдѣнію; когда число побѣдъ бывало

числомъ достоинствъ человѣка, и когда въ храбрости вмѣщалось понятіе всѣхъ добродѣтелей. — Пистолеты Карла *смѣлага*, Герцога Бургундскаго, украшенные серебромъ и слоновою костью, показались мнѣ также примѣчанія достойными; я смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ, и вообразилъ руку, ихъ нѣкогда державшую. —

Здѣсь нравы не такъ уже строги, какъ въ Цирихѣ. Женщины и мужчины сходятся вмѣстѣ — обыкновенно послѣ обѣда, часа въ чешыре — и первыя говорятъ свободно, шутятъ и бывають душою общества. Нѣкоторыя девицы играютъ на клавесинѣ, поютъ и восхищаютъ слушателей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сїи собранія, которыя были довольно многочисленны. Но въ карти здѣсь не играютъ, также какъ и въ Цирихѣ. Съ иностранцами говорятъ всегда по-Французски, и пришомъ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцарии; что же принад-

лежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, что онъ весьма испорченъ и непрѣятелъ слуху.

Бернскай аристократизмъ починается самимъ спрожайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ Республикѣ; изъ нихъ составляется большой Собрѣшъ и Сенатъ (изъ которыхъ первой имѣетъ законодательную, а послѣдней исполнительную власть) — изъ нихъ выбираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернскай Кантонъ; всѣ прочие жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; они могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но сѣ рѣдко бываетъ. —

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтвями каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои !

мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра или послѣ завтра пойду въ Лозану, и проспился уже со всѣми своими знакомыми, кроме Проповѣдника Штапфера. Сей доброй, почтенной Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякой день проводилъ я въ его кабинетъ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я пойду изъ Берна, и не хочу прощаться со мною. Чувствительной человѣкъ!

Здѣсь разстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Проспите, мои друзья! Пакетъ свой опнесу на почту. Если бы вы съ такими удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я нишу ихъ!

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѿхалъ ~~и~~ садомъ, и пришомъ самымъ прекраснѣйшимъ. Дерева вокругъ дороги гнулись.

Счастъ. V.

Щ

лись

лись подъ сочными, пяжелыми плодами, и златая осень являлась вездѣ въ самомъ блестательнѣйшемъ видѣ. День былъ воскресной; нарядные поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнистое вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Проѣхавъ городокъ Муртенъ, кучеръ мой остановился, и сказалъ мнѣ: *Хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей?* — „Гдѣ?“ — „Здѣсь, на правой сторонѣ дороги.“ Я выскочилъ изъ кареты и увидѣлъ за желѣзною рѣшеткою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ дерзостный, Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, тиранъ кровожаждущій, ужасъ соединенныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жителей Гельвеціи и гордость независимыхъ смиришь желѣзнымъ скипетромъ тиранства. Двинулось его воинство; разнодѣшные знамена возвѣялись, и земля

заспонала подъ тяжестю его огнестрельныхъ орудий. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муршенскаго озера, и Карлъ, зависивымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвейи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ (*) разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставя жилины и спада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьами, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, не побѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его волнства, и громы умолкли, и ряды исчезли подъ сокрушильною ихъ рукою. Самъ Гердогъ въ отчаянїи бросился въ озеро, и сильный конь вынесъ его на

другой берегъ. Одинъ вѣрный служитель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія и видя погибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ изспутлѣи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, воскликнувъ: *тебѣ ли одному оставаться?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ подлѣ дороги, гдѣ лежатъ онъ и по нынѣ.

Я запрепеталъ, друзья мои, присемъ плачевномъ видѣ нашей тленности. Швейцары! уже ли можеше вы веселишься такимъ печальнымъ трофеемъ? Бургонцы по человѣческому были вамъ братья. Ахъ! еспѣли бы вы, омочивъ слезами сіи осипушки придали тысячу нещастныхъ, съ благословеніемъ предали ихъ земль, и на мѣстѣ побѣды своей соорудили черной монументъ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *здесь Швейцары сражались за свое отечество, победили и оплакали свою побѣду* — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства!

спива! Гордясь именемъ Швейцара, не забывайше благороднѣйшаго своего имени
— имени человѣка!

Множество надписей читалъ я на стѣнахъ, которыми обведенъ сей открытый гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ, сочиненную Галлеромъ.

Steh still, Helvetier! hier liegt das f黨ne Heer;
Vor welchem Lutich fiel, und Frankreichs Thron
erbebte.

Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht k黨stlichers Gewehr,
Die Eintracht schlug den Feind, die ihren Arm
belebte.

Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in unsrer Treu.
O würde sie noch heut in jedem Leser neu! (*)

Сверхъ этого написаны тутъ тысячи именъ и примѣчаній.

Щ 3

Гдѣ

(*) Остановись, сынъ Гельвеціи! здѣсь лежишъ дерзостное воинство, предъ кошмыримъ падъ Лишихъ и препешалъ престолъ Франціи. Не число нашихъ предковъ, не искуснейшее оружіе, но согласіе, оживлявшее руку ихъ, побѣдило врага. Познайше, брашья, силу свою: она сос肖ишъ въ нашейѣ вѣрности — ахъ! да обновится и нынѣ вѣроность сід въ сердцахъ вашихъ! „

Гдѣ же обнаруживается склонность человека къ распространеню бытія своего, или слуха о бытіи своемъ? Для сего открываютъ новые земли; для сего путешественникъ пишетъ имя свое на гробъ Бургондцевъ. Многіе, въ память того, что они постыщали сей гробъ, берутъ изъ него кости; я не могъ слѣдовать ихъ примеру — вы догадаетесь, для чего? — Впрочемъ всѣ кости такъ высохли, что отъ нихъ нѣтъ никакого дурного запаха. —

Далѣе за Муртеномъ предстались мнѣ развалины Авентикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящи въ оспашкѣ колонадѣ, стѣнѣ, водяныхъ проводовъ, и проч. Гдѣ великолѣпіе сего города, которой былъ нѣкогда первымъ въ Гельвейї? гдѣ его жители? Ичезаютъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои! . . . гдѣ будущѣ споять гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣшила могилу тѣхъ

тѣхъ, которые иѣкогда ликовали при
емъ свѣтѣ.

(Продолженіе спредъ.)

VII.

ПИСЬМО къ ИЗДАТЕЛЮ
Отъ писавшаго реценсію на Палефа-
товы Сказанія.

Милостивый Государь мой!

Прочитавъ въ Февраль мѣсяцъ ва-
шего Журнала возраженіе на мою ре-
ценсію, я счелъ, что принесу чрезъ
то новую жертву испинѣ, естѣли
на сїе возраженіе напишу другое, во
оправданіе себя предъ Г. Переводчи-
комъ Палефаша; ибо я льщу себя,
что безпристрастные читатели, сли-
чивъ самую реценсію съ возраженіемъ,
давно уже оправдали меня въ своемъ
сердцѣ. Впрочемъ не худо учиться
и отъ непріятеля, какъ говоритьъ
Латинская пословица. По крайней
мѣрѣ я узналъ посредствомъ сего,
что писать реценсію значитъ тоже,
что проливать желчь и унижать

труды чуждые — хороши они или худы, о томъ ни слова — что реценсентъ есть не иное чѣо, какъ *теловѣкъ обуреваемый страстью гордости, самомнѣнія, зависти и пр.*; что возражающему позволительно говорить все на счетъ реценсента, а особенно, когда не полное выпечашано его имя. — Чувствительно благодарю васъ за защищеніе моего нравственнаго характера, которої у Г. Переводчика Палефата впалъ въ сильное подозрѣніе, за то, что я осмѣлился, и притомъ на *его* трудъ написать реценсію.

Я приступлю теперь къ самому возраженію, и предложу отвѣтъ мой на каждой пункѣ порознь.

I. Г. Переводчикъ полагаетъ, что можетъ быть огорчило менѧ его предувѣдомленіе къ Палефатовымъ сказаніямъ, и — что я не могъ знать его достоинствъ по описанію Санктпетербургской Губерніи. Отвѣтствую. Предувѣдомленіе ни чушь ме-

иа не огорчило; и еспѣли Г. Переводчикъ изъ скромности прибавляетъ въ возраженіи, что оно *никого не доказываетъ*, что я по крайней мѣрѣ скажалъ въ реценсіи, стр. 138, что оно показываетъ его ученость. Еспѣли разсматривать какую книгу критически, то будто уже и не нужно объявлять своего мнѣнія, каковъ Авторъ, или что она переведена ученымъ человѣкомъ, и проч. и проч.? — Не могъ я знать доспоянствъ Г. Переводчика по описанію Санктпетербургской Губерніи; но для чего жь стоишъ въ переводѣ, на сп. 138 на прим. гдѣ говорится о дарахъ невѣстѣ отъ жениха: *сїе обыкновенїе у многихъ еще народовъ существуетъ, какъ-то особенно видно въ сочиненіомъ мною описаніи Санктпетербургской Губерніи;* — или стр. 68, гдѣ о томъ же говорится, а въ заключеніе примолвлено: *зри Бытія гл. 34, стр. 12, Гомирову Иліаду кн. 9. и — мое описание Санктпетербургской Губерніи?* Есть ли Палефапъ переведенъ для Публи-

ки, то какъ ей зреТЬ что нибудь въ описаніи, которое по словамъ же Г. Переводчика. ей неизвѣстно? — Я предположилъ по сemu — дабы примѣчанія въ переводѣ не потеряли цѣны своей — что описанію Санкт-петербургской Губернii непремѣнно надобно быть извѣстну и Публикѣ, такъ какъ оно по обѣявленію Г. Переводчика извѣстно нѣкоторымъ *Властильб*, коимъ можетъ быть нѣтъ и времени заниматься чтенiemъ Палефата.

Н. Г. Переводчикъ вразумляетъ меня, что Палефатовыхъ Сказаний до селъ на Россiйскомъ языкѣ не было. Но я и не сомнѣвался о семъ, а только о томъ: нужно ли, чтобъ онъ и были на Россiйскомъ языкѣ? ибо многiе древнiе и новые Митологисты несравненно лучше Палефата, и сей Палефатъ шерпится въ школахъ, какъ я сказалъ и въ рецензии, единствено за исправность своего языка. Но Г. Возражатель говоритъ, что онъ рѣдко гдѣ преподаепся въ Универси-

шешахъ и Гимназіяхъ! Приведемъ собственныя слова изъ его предувѣдомленія: *Уже сїя небольшая книжица подастъ многое средство къ лучшему разумѣнію Гомира и Виргилія, и по-тому предложимъ вопросъ: такъ и Гомиръ и Виргилій не преподаются въ Университетахъ? такъ отвергаются въ нихъ источники, служащіе къ лучшему разумѣнію оныхъ?* Впрочемъ я согласенъ, что во многихъ училишахъ, на прим. пансионахъ и пр. гдѣ не учатся Греческому языку, Палефатъ и мало неизвѣстенъ.

III. Г. Переводчикъ попрекаетъ меня, для чего я сказалъ почти тоже, что и онъ, о неудачномъ полкованіи Палефатомъ многихъ басенъ: но развѣ не нужно сужденіе о доспопиствѣ самого Автора, когда хочешь показать, каковъ онъ, и споимъ ли перевода и плашежа за переводъ денегъ? —

IV. Жалуется Г. Переводчикъ, что будто я и Авторомъ назвалъ его съ досадою, — хотя никогда такого и

въ мысляхъ у меня не было ; ибо я предположилъ себѣ за правило, еще раздеваться ощечественнымъ сочиненіемъ, только бы оныя приносили пользу, и распространяли вкусъ къ наукамъ.

V. Открылся споръ о прекрасномъ нравоученіи, которое Г. Переводчикъ присовокупилъ къ 3 главѣ Палефата. Дѣланъ нечего ; о красотѣ спорить не льзя ; я опять повторяю, что оно мнѣ кажется прекрасно.

VI. Ссылаемся Г. Переводчикъ на мой отвѣтъ въ редакціи, для чего онъ не умножилъ своихъ примѣчаній о Гіенѣ. Но тамъ сказано только, что примѣчанія Г. Переводчика составляютъ большую часть книги, а не изображено еще того искренняго и всегдашняго моего желанія, чтобъ только нужныхъ дѣланы были въ книгахъ примѣчанія. Дополненіе же о Гіенѣ изъ новѣйшихъ Натуралистовъ непремѣнно было нужно.

VII. Аріадна, по ошибкѣ наборщика, высвободила посредствомъ клубка не Тезея, а брата своего Минотавра.

Мавра. На это сказать нечего; но развѣ не должно было замѣтить сего для нѣкоторыхъ чишапелей, дабы они въ самомъ дѣлѣ не приняли того за испину? Впрочемъ желательно, чтобъ такихъ и подобныхъ опечатокъ ни въ какой книгѣ не встрѣчалось.

VIII. Г. Переводчикъ съ своей стороны не находитъ, что бы сказать ему на мое замѣчаніе при слабомъ толкованіи Палефатовомъ о Горгонахъ. Но можешь быть я мысль свою выразилъ не довольно ясно. Палефатъ жилъ близко къ источнику басенъ; могъ по крайней мѣрѣ отъ другихъ слышать прямую испорю, подавшую поводъ къ какой либо баснѣ; и еспѣли со всѣмъ шѣмъ толкуетъ се худо, то для чего не предпочесть толкованія Новѣйшихъ, когда оно ближе и вѣроѧтие подходитъ къ оной испорїи?

IX. Спрашивается Г. Переводчикъ, не ужели я хочу, чтобъ писали и говорили токмо по образу моихъ мыслей и слога? Признаюсь, я всегда имѣлъ

имѣлъ желаніе, но не то, а вонъ какое: чтобъ всѣ Авторы говорили и писали единственно по правиламъ чистаго слога, и съ наблюденіемъ благородства въ мысляхъ. Глупо сїе желаніе — сбывающееся можетъ быть только во снѣ — но какъ быть? я имѣлъ его, и еще имѣю.

X. Г. Переводчикъ требуетъ отъ меня возраженія, чѣмъ худа мысль его о Пандорѣ? — Ссылаюсь на рецензію; ибо еспь вещи, которыхъ одно предложеніе сказываетъ уже все, что бы обѣ нихъ сказать можно было.

XI. Г. Переводчикъ съ своей стороны, въ разсужденіи ошибокъ въ нѣкоторыхъ словахъ, ссылается на оправданіе, давно уже напечатанное имъ въ предисловіи къ Исторіи *Петра Перваго*. Я имѣлъ любопытство читать сїе оправданіе, и не могъ не уважить скромныхъ причинъ, въ ономъ отъ него представленныхъ, какъ по: *слабаго еще знанія об Россійскому*

языкъ; и проч. и проч. Но я все, писавши реценсію, долженъ былъ показать ошибки, какъ ошибки, безъ всякаго впрочемъ предосужденія Г. Переводчику.

XII. Спрашиваетъ онъ меня, по которому и кото рой Грамматики правилу должно писать въ род. именѣ прилагательныхъ *аго*, а не *ого*? Отвѣтствую: въ церковныхъ нашихъ кни тахъ, на которыхъ Россійскому правописанію должно казепся основываться, вездѣ споишъ *аго*, а не *ого*. Я не думаю также, чтобы и самъ Г. Переводчикъ употребилъ Императорскаго вмѣсто Императорскаго, и проч. и проч.

XIII. Слова: *три яблоки*, *разбобойники*, *волѣсто* и проч. Г. Переводчикъ признаетъ опечатками: что жъ оспаешься мнѣ, какъ не съ охопою признать ихъ за то же, и пожелашь, чтобъ въ книгахъ сколько возможно менѣе было опечатокъ, отнимающихъ часто справедливую у нихъ цѣну?

XIV. О словахъ *девадасть*, *твѣтыриадастьтеро* и пр. Г. Переводчикъ хотеть изъяснить свои причины въ другомъ мѣстѣ; и такъ — я молчу.

XV. Г. Переводчикъ говоритъ, что именъ собственныхъ коверкать не должно, и не писать Геродотъ, Гезіодъ, Гомеръ, вмѣсто *Гиродотъ*, *Гизіодъ*, *Голірдъ*; но для чего онъ самъ же уведомляетъ знающаго Греческой языкъ читателя, въ прибавленіи къ своему переводу, что нѣтъ никакой нужды отвергать самовольно, или *по упраимости*, вошедшаго уже въ употребленіе? — По крайней мѣрѣ многіе не напишутъ думаю *Діонисіевщина* вмѣсто праздниковъ въ честь Бахусу, или Вакху.

XVI. Объясняемъ, что онъ не смѣшивалъ Віопїи съ Виѳиніею, какъ то я вывелъ изъ прибавленія къ его переводу спр. 122, гдѣ онъ говоритъ: *въ Славянскомъ нахожу, что писали ее Виѳиніею*. Но воля его, а мнѣ кажется, что въ Славянскомъ Виѳиніею писали Виѳинію. — Наконецъ

XVII. Г. Переводчикъ Палефата спрашиваетъ меня, по правиламъ ли Грамматики, или по свойству Россійскаго языка я писалъ *мы* вмѣсто *я*, *наиб* вмѣсто *ниб*, и проч? — Отвѣтствую: по правиламъ Риторики, и по свойству каждого языка; ибо еспѣли уже *Палефатовы сказанія рѣдко вѣ котормѣ Университетѣ*, кольми пате вѣ *Гимназіяхъ*, преподаються, то по крайней мѣрѣ глава о про- пахъ въ оныхъ измѣспна. . . .

Извините, милоспивый государь мой, что я тружу васъ, а можетъ быть и Публику, столь проспраннымъ на возраженіе возраженіемъ. Я считалъ его нужнымъ, дабы удовольствовашъ Г. Переводчика Палефатова, для котораго я долженъ сказать и то, что не подписалъ въ концѣ реценсіи всего имени своего единственно для того, что считалъ оное неинтереснымъ для Публики. Для сей же самой причины и теперь пишу его не полное, но въ удо-

вольствіе Т. Переводчика прибавлю пока еще одну лішеру въ своей фамиліи.

Милоспивый государь мой !

Вашъ всегда покорный и преданный слуга

В. Пo.

VIII.

ПОСЛѢДНІЙ ЧАСЪ ІАКОВА II.

Несчастный Іаковъ, Король Англійскій, уѣхавшій изъ своего государства во Францію, занемогъ опасною болѣзнию. Удаленный отъ всякой царской пышности и величія, видѣлъ онъ себя на смертномъ одрѣ своемъ окруженнаго одними монахами и нѣкоторыми Шотландцами, которые, не смотря на его злополучіе, оспались ему вѣрными. Во время сей болѣзни вздумалъ посѣтиить его Людовикъ XIV., которой во всѣхъ своихъ дѣлахъ слѣдовалъ то политикъ, то чувству. — Не извѣстно, за одну ли учтивость должно почитать сїе посѣщеніе, или дѣлю онаго было нѣчто

Что важнейшее. Когда онъ вошелъ въ комнатау, Іаковъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами. Сие положеніе нарочно избиралъ онъ для того, чтобы внешніе предметы не мѣшали ему молиться. Служители его спояли на колѣняхъ вокругъ постели. Людовикъ вошедши подумалъ, что Іаковъ уже умеръ, и хошьль ворошился. Но одинъ изъ слугъ сказалъ умирающему о приходѣ Короля Французскаго. Іаковъ открылъ глаза и посмотрѣлъ вокругъ себя; но глаза его были такъ слабы, что онъ не видалъ его и спросилъ, гдѣ Король? Людовикъ подошелъ къ постель. Іаковъ, будучи не въ состояніи говорить, взялъ его руку, подѣловалъ ее и выронилъ на нее нѣсколько слезъ. Людовикъ, тронутый плачевною долею своего собрата, споль опличною отъ его доли, также залился слезами, и въ семъ расположеніи далъ ему слово вспоминать за него сына и объявить его Королемъ Англіи. Всѣ присутствовавшіе бросились на колѣни, и брали

сердечное участіе въ сей дружествен-
ной сценѣ между двумя Монархами.
Караульные и всѣ люди, собрав-
шіеся передъ дворцомъ, узнали сіе и
радовались, такъ что Людовикъ, са-
дившійся въ карету, былъ со всѣхъ
сторонъ осыпаемъ благословеніями —
ахъ! можешъ быть въ сию минуту
нѣжной симпатіи былъ онъ щастливъ,
нежели въ часы славы своей! Выходя
изъ дворца, приказалъ онъ карауль-
ному Офицеру объявить молодаго
Принца Королемъ, какъ скоро умреетъ
отецъ. Офицеръ, родомъ Ирланецъ,
поклонился, спалъ на колѣни, и со
слезами пошелъ отъ него. Черезъ
нѣсколько дней послѣ сего посѣщенія
Іаковъ умеръ, и сынъ его возглашенъ
былъ въ Сп. Жерменъ Королемъ Ве-
ликобританіи, и притомъ со всемъ
пышностію, какая въ такихъ случаяхъ
наблюдалася.

Сія новость воспламенила всю
Англію, и самые доброжелатели Стру-
арпской фамиліи были недовольны тѣмъ,
что Король Французской объявилъ
Прин-

Принца Королемъ Англійскимъ безъ согласія подданныхъ. Отъ сего неосторожнаго поступка лишились Спурты многихъ друзей въ Англіи. Вильгельмъ весьма благоразумно воспользовался обстоятельствами, и сполько утвердилъ революцію, что всѣ покушенія Франціи и Претендента не могли поколебать оной. —

(Съ Нѣмецкаго.)

IX.

С М Т С Ъ.

1. Дѣ Аlamberшъ былъ найденышъ; и вышедши изъ Коллегіи Четырехъ Наций, гдѣ онъ учился, не имѣлъ почти никакого пристанища. Онъ переселился въ домъ къ своей кормилицѣ, и утѣшался надеждою рано или поздно поправить обстоятельства сего бѣднаго семейства, почитая оное своимъ собственнымъ. Тутъ онъ совершенно посвятилъ себя Геометріи (отъ которой Янсеністы всячески старались отве-

сти его, чтобы со временемъ для
своей партіи имѣть въ немъ втораго
Паскаля) и жилъ весьма проспѣ оконо
сорока лѣтъ. Наконецъ доходы его
умножились; онъ употреблялъ ихъ
на добрыя дѣла, скрывалъ отъ добро-
душныхъ хозяевъ возрасшающую славу
свою, и часто простые нравы ихъ
подавали ему поводъ къ забавнымъ
шуткамъ и философическимъ при-
мѣчаніямъ. Добросердечная корнилиса
видѣла его дѣятельность, и слышала,
что онъ сочиняетъ книги; но нико-
гда не хотѣла вѣрить, чтобы писа-
тель ея былъ великой человѣкъ, и
всегда смотрѣла на него съ нѣкото-
рымъ сожалѣніемъ. „Ты хочешь быть
„полько Философомъ (сказала она ему
„однажды): а знаешь ли, что такое
„Философъ? Дуракъ, которои день
„и ночь работаетъ, и мучится во
„всю жизнь свою для того, чтобы
„люди говорили объ немъ, когда его
„не будетъ.“

2. Философъ Террассонъ, Королевской чшецъ во время малолѣтства
Людо-

Людовика XV, былъ удивительной че-
ловѣкъ. При великой учености и от-
мѣнномъ остроуміи находился онъ
въ безпрестанномъ разсѣяніи, и со-
всѣмъ не зналъ свѣта. Онъ весьма хо-
рошо перевелъ Діодора Сицилійскаго,
и (по словамъ его) для того только,
чтобы показать легковѣріе сего Историка.
Когда люди смеялись надъ нимъ,
то Философъ нашъ ни мало на нихъ
не сердился, и говорилъ, что они
правы. Госпожа де Лоссе сказала о
его забавной пропашѣ, что только
одинъ остроумной человѣкъ можетъ
быть такимъ пріятнымъ глупцомъ.
Однажды, въ часъ разсѣянія, вышелъ
онъ на улицу неодѣшой, и увидя,
что народъ собрался вокругъ его и
смеялся, сказалъ: я сдѣлалъ людямъ
удовольствіе безъ всякаго убытку. Пе-
редъ своею смертью онъ совсѣмъ ли-
шился памяти, и когда его о чёмъ
нибудь спрашивали, то онъ отвѣчалъ:
спросите у Люке, моего управлятеля.
Когда Священникъ на исповѣди зако-
шѣлъ знать грѣхи его, то Террас-

сонъ отвѣчалъ и ему: спросите у
Люке, моего управителя.

3. Маріапелусъ Аккурсіусъ, Кри-
тикъ шесмаго-надесять вѣка, писалъ
примѣчанія на Авсонія, и выдалъ ихъ
въ Римъ въ 1524 году. Нѣкоторые
злоязычные люди сказали, будто онъ
многое выписалъ изъ сочиненій Вера-
новыхъ. Аккурсіусъ отрицалъ сїе, и
публиковалъ — слѣдующую клятву:
„Клянусь Богомъ и всѣмъ, что есть
„свято, или еще важнѣе клятвы, —
„клянусь, что я изъ чужихъ книгъ
„не взялъ ни одного слова для обога-
щенія или украшенія моего сочиненія,
„и что я даже многія собственныя
„мысли уничтожилъ, нашедши ихъ и
„въ другихъ Авторахъ. Естѣли клят-
ва моя несправедлива, то да нака-
жетъ меня за сїе Господь Богъ, и
примѣчанія мои да почтены будутъ
неразумными за вредныхъ, а умными
за бездѣлку, такъ чтобы я лишился
награжденія славы!,, Вотъ прямо со-
вѣтской писатель! — Любезный
братья! кто изъ васъ не положетъ

руки

руки на сердце и не скажетъ со вздохомъ: *отче Аккурсе!* помолись за насъ?

X.

ПАРИЖСКИЕ СПЕКТАКЛИ.

(*Въ концѣ 1791 года.*)

На Италіянскомъ Театрѣ (*) представляютъ новую прекрасную пьесу, подъ названіемъ *Philippe et Georgette*. Она сочинена изъ анекдота, за несколько времени передъ симъ помѣщеннаго въ *Хроникѣ*. Солдатъ полку *Château-Vieux*, ведомой на казнь вмѣстѣ съ своими товарищами послѣ возмущенія въ Нанси, находитъ средство уйти и скрыться въ соѣдственномъ домѣ. Тамъ принимаетъ его молодая девушка, имъ любимая, и запираетъ въ маленькой кабинетѣ; но пошеряявъ отъ сего кабинета ключъ, заспавля-

ть 5

етъ

(*) То есть та къ называемомъ Италіянскомъ; пошому что на немъ играють только Французскія пьесы.

еиъ любовника помипись шамъ голо-
домъ и жаждою. Къ щаспю ключь опять
находится, и молодой солдатъ выхо-
дитъ изъ кабинета; но вдругъ слышашъ
шумъ — любовникъ не имѣеть вре-
мени уйти назадъ, и прячется подъ
сполъ, покрытой длиннымъ ковромъ.
Приходитъ отецъ, мать и женихъ
Жоржешинъ, и собираются завтракать.
Обстоятельство затруднительно; но
оно кончишся щаспливо. Жорже-
ша съ отцомъ своимъ передвигаетъ
по пихоньку сполъ, и Филипъ также
за нимъ подвигается. Она подаетъ
ему хлѣбъ, пироги, вино, и засташ-
вляетъ всѣхъ удивляться ея аппети-
ту. Наконецъ къ ея успокоенію вспа-
ютъ изъ-за спола. Одинъ незнако-
мой приходитъ къ ней спрашиватъ о
Филипѣ. Вопросы его приводятъ ее
въ замѣшательство, и она починаетъ
его шпіономъ; но онъ называетъ себя
отцомъ его, и участіе, принимаемое
имъ въ судьбѣ молодаго солдата,
не позволяетъ ей въ томъ сомнѣ-
ваться. Она открывается ему и вы-

водитъ Филипа. Слышанъ шумъ — приходяще полицейскіе, чтобы снова сдѣлать осмотръ въ домѣ. Любовникъ успѣває спрятаться въ сундукъ, на которой Жоржета и отецъ его садятся. Молодая любовница отъ спраха упадаетъ въ обморокъ, и сїе приключенїе заставляетъ осмотрщи-ковъ удалившись. Но послѣ сего за-спають Филипа Жоржетина мать и совмѣстникъ его, человѣкъ великодуш-ной, которой вмѣсто того, чтобы на него донести, предлагаютъ ему свои услуги. Между тѣмъ объявляютъ амнистию (общее прощеніе), и Фи-липъ съ согласія всѣхъ женится на своей любовницѣ. — Сїя піеса напол-нена острymi словами и весьма полу-билась Публикѣ.

Жанъ Жакъ Руссо на островѣ Св. Петра, піеса, играемая на такъ называемомъ національномъ Театрѣ, была принята съ рукоплесканіемъ, хотя, въ продолженіе пяти актовъ, на лицахъ зрителей написана была ску-

жкука. Въ самомъ дѣлѣ въ сей драмѣ
нѣшъ ничего, / кромеъ эпизодическихъ
сценъ, философическихъ разгово-
ровъ, не связанныхъ съ дѣйствіемъ
— кромеъ декламаціи и отрывковъ.
Авторъ ввелъ въ нее все главныя
лица Новой Элоизы. У хозяина Руссова
есть дочь, именемъ Юлія, и племян-
ница, именемъ Клер; самъ Руссо
воспѣваетъ молодаго человѣка, име-
немъ Сп. Прю, и Милордъ Эдуардъ
прѣѣзжаетъ туда. Но то, что въ
Руссовомъ романѣ прекрасно и воспла-
меняетъ душу, дѣлается въ пѣсѣ
очень холодно. И самой слогѣ заслу-
живаетъ критику, хотя онъ весьма
чистъ и пріятеленъ. Авторъ гово-
ритъ, что въ пѣсѣ нѣтъ ни одной
фразы, копорая не была бы взята
изъ Руссовыхъ сочиненій: но въ семъ
то можетъ быть и состоитъ по-
рокъ. Жанъ Жакъ писалъ филосо-
фической книги, романъ, и проч.; но
слогъ сихъ сочиненій не есть теат-
ральной. — Нѣкоторые изъ зрителей
спрашивали Автора; но вмѣсто от-
вѣт-
вѣт-

вѣта вынесли на Театръ Руссовъ
бюстъ.

XII.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Gonzalve de Cordoue , ou Grenade reconquise; par Mr. de Florian. То есть: Гонзальвъ, или обратно завоеванная Гренада, сотине^{ie} Г. Флоріана. — Сей героической романъ или прозаическая Поэма есть приятное явление для всѣхъ любителей нѣжной Флоріановой Музы, которая долго молчала.

Конецъ 7 Части.

СОДЕРЖАНИЕ СЕЙ ЧАСТИ.

ЯНВАРЬ.

	Стран.
I. Тщета.	3.
II. Ниса	5.
III. Подражаніе Проперцію	10.
IV. Странныя люди	12.
V. Письма Руск. Путешественника	15.
VI. Типъ	53.
	VII.

VII.	Жизнь и дѣла Іосифа Бальзамо	57.
VIII.	Новoj годъ	- - - 84.
IX.	Мармонтелевыѣ Вечера	- - - 86.
X.	Кораблекрушеніе	- - - 123.
XI.	Московской Театръ	- - - 135.
XII.	О Рускихъ книгахъ.	- - - 137.
XIII.	Изъясненіе Фронтисписа	148.
XIV.	О иностранныхъ книгахъ	- 150.

ФЕВРАЛЬ.

		Страны
I.	Пѣснь мира	- - - 153.
II.	Модная жена	- - - 157.
III.	Прощаніе	- - - 167.
IV.	Пчела	- - - 168
V.	Молитва сына, разлученного съ матерью	- - - 169.
VI.	Пѣснь на кончину Князя По- пемкина - Таврическаго	- 170.
VII.	Къ честному человѣку	- 175.
VIII.	Опвѣти Славѣ	- - - 177.
IX.	Вечера	- - - 178.
X.	Исторія Ле-Февра	- 203
XI.	Жизнь и дѣла Іосифа Баль- замо	- - - 234.
XII.	Ночь	- - - 271.
XIII.	О суждѣнїи книгъ	- - - 277.
XIV.	Опѣ Издателя	- - - 291.

МАРТЪ.

I. На миръ - - -	293.
II. Отставной Вахмистръ - -	295.
III. Пѣсня роскошнаго и трезваго Философа - - -	301.
IV. Ліодоръ - - -	305.
V. Переводъ изъ Le Voyageur senti- mental. Par Mr. Vernes le fils.	335.
VI. Письма Руснаго Путешеспен- ника - - -	347.
VII. Письмо къ Издателю -	379.
VIII. Послѣдній часъ Іакова II.	390.
IX. Смѣсь - - -	393.
X. Парижскіе спектанали -	397.
XI. О иностранныхъ книгахъ	401.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Стр.	Напечатано	Чит.
305	6	на збуду	не забуду
330	19	алъешъ	синъешъ
358	11	•	,
—	12	при ихѣ,	при ихѣ
360	11	Heurathbschluß	Heurathsschluß
363	2	ни веселящихся	на веселящихся

---

*Имена Особъ, благословившихъ подпи-
саться на Московской Журналѣ
1792 года.*

ВЪ МОСКВѢ.

*Его Сиятельство Графъ Кирила Гри-
горьевичъ Разумовской.*

*Его Сиятельство Графъ Григорій Вла-
димировичъ Орловъ.*

Неизвѣстная Особа.

Англійской Клубъ.

*Его Благородіе Семенъ Ивановичъ Те-
мирязевъ.*

*Его Высокоблагородіе Петръ Аѳа-
насьевичъ Бекетовъ.*

*Его Высокоблагородіе Дмитрій Адамо-
вичъ Олсуфьевъ.*

*Ея Высокородіе Авдотья Федоровна
Болтина.*

*Ея Сиятельство Княгиня Анна Ива-
новна Тюфякина.*

Яковъ Леонтьевичъ Туринъ.

*Его Сиятельство Князь Алексѣй Ни-
колаевичъ Долгорукой.*

*Его Превосходительство Всеволодъ
Алексѣевичъ Всеволожской.*

)

Его

Его Высокоблагородие Александръ Никитичъ Лопухинъ.

Петръ Михайловичъ Гусатниковъ, Именитой Гражданинъ.

Его Сиятельство Князь Николай Сергеевичъ Волконской.

Его Высокоблагородие Дмитрий Захарьевичъ Евлашевъ.

Его Благородие Александръ Васильевичъ Приклонской.

Ея Сиятельство Княжна Анна Александровна Черкасская.

Его Высокоблагородие Михайло Николаевичъ Приклонской.

Его Высокоблагородие Иванъ Григорьевичъ Баскаковъ.

Его Высокоблагородие Степанъ Петровичъ Ивановъ.

Его Высокоблагородие Борисъ Михайловичъ Салтыковъ

Его Высокопревосходительство Александръ Александровичъ Нарышкинъ.

Его Благородие Василій Степановичъ Кряжевъ.

Конпора покойнаго Стапского Совѣтника и Кавалера Никиши Акинфіевича Демидова.

Его

- 9
- Его Благородіе Василій Євдокимович
Демидовъ.
- Его Высокоблагородіе Иванъ Ивано-
вичъ Барышниковъ.
- Его Высокородіе Михайло Васильевичъ
Волынской.
- Его Высокоблагородіе Сергѣй Ивано-
вичъ Ларіоновъ.
- Его Высокоблагородіе Иванъ Василь-
евичъ Плещеевъ.
- Его Высокоблагородіе Павелъ Михай-
ловичъ Глазовъ.
- Его Превосходительство Николай Яков-
левичъ Аршеневской.
- Его Превосходительство Василій Сер-
гѣевичъ Нарышкинъ.
- Его Благородіе Иванъ Максимовичъ
Лугининъ.
- Его Высокородіе Степанъ Григорье-
вичъ Мельгуновъ.
- Его Сіяпельство Князь Петръ Алек-
сандровичъ Черкаской.
- Его Сіяпельство Князь Александръ
Николаевичъ Засѣкинъ.
- Его Сіяпельство Князь Иванъ Нико-
лаевичъ Трубецкой.

Его Высокородие Александръ Александровичъ Арсеньевъ.

Его Высокородие Андреянъ Андреяновичъ Лопухинъ.

Его Превосходительство Сергѣй Андреевичъ Фамицынъ.

Московской Опекунской Совѣтъ.

Его Превосходительство Андрей Яковлевичъ Леванидовъ.

Его Высокородие Машвѣй Семеновичъ Кодринъ.

Его Высокоблагородие Егоръ Михайловичъ Рябининъ.

Его Сіятельство Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ.

Его Сіятельство Князь Алексѣй Александровичъ Черкаской.

Ея Сіятельство Княгиня Мавра Алексѣвна Голицына.

Его Высокоблагородие Федоръ Алексѣевичъ Пушкинъ.

Его Высокоблагородие Юрій Александровичъ Нелединской - Мелецкой.

Его Высокоблагородие Богданъ Карловичъ Розенбергъ.

Василій Петровичъ Померанцовъ.

Ея Сиятельство Княгиня Варвара Александровна Трубецкая.

Его Превосходительство Сергей Алексеевич Всеволожской.

Его Сиятельство Князь Дмитрий Евсеевич Цициановъ.

Его Высокородие Павелъ Степанович Руничъ.

Его Высокоблагородие Федоръ Петрович Ключаревъ.

Его Высокоблагородие Дмитрий Иванович Киселевъ.

Его Благородие Петръ Федорович Броневской.

Ея Высокоблагородие Катерина Андреевна Рѣшетова.

Его Благородие Антонъ Егорович Щепнезъ.

Его Высокоблагородие Иванъ Дмитриевич Карповъ.

Его Высокоблагородие Петръ Никитич Поповъ.

Его Благородие Антонъ Данилович Кучинъ.

Петръ Васильевич Побѣдоносцевъ.

Его Высокоблагородие Семенъ - - - Красильниковъ.

Его Высокоблагородие Иванъ Ивановичъ
Нефедьевъ.

Его Высокоблагородие Петръ Ивано-
вичъ Унковской.

Иванъ Семеновичъ Васильевъ.

Его Сиятельство Князь Николай Ива-
новичъ Одоевской.

Его Благородие Николай Алексѣевичъ
Бахметьевъ.

Ея Высокоблагородие Анна Егоровна
Романусова.

Неизвѣстная Особа.

Его Благородие Алексѣй Никитичъ Ки-
реевской.

Его Сиятельство Графъ Алексѣй Вла-
димировичъ Салтыковъ.

Ея Благородие Надежда Ивановна Ша-
пурова.

Его Благородие Николай Ивановичъ Но-
виковъ.

Петръ Егоровичъ Медоксъ.

Его Высокоблагородие Алексѣй Ивано-
вичъ Киселевъ.

Его Благородие Иванъ Ивановичъ Ростѣ.

Его Благородие Андрей Ивановичъ Тур-
геневъ.

Его Сиятельство Князь Григорий Иванович Волконской.

Его Высокоблагородие Александръ Федоровичъ Лабзинъ.

Неизвѣстная Особа.

Его Сиятельство Князь Василий Васильевичъ Енгалычевъ.

Его Сиятельство Князь Николай Васильевичъ Рѣпницъ.

Его Высокоблагородие Федоръ Осиповичъ Туманской.

Его Высокоблагородие Иванъ Ивановичъ Демидовъ.

Ея Высокоблагородие Авдотья Александровна Воейкова.

Его Благородие Александръ Степановичъ Крюковъ.

Его Благородие Крестьянъ Крестьяновичъ Ладо.

Его Сиятельство Князь Петръ Александровичъ Волконской,

Его Сиятельство Графъ Федоръ Андреевичъ Толстой.

Его Высокоблагородие Маршинъ Никифоровичъ Соколовской.

Его Благородие Алексѣй Федоровичъ Малиновской.

Его Благородіе Василій Гаврилович
Мурашовъ.

Его Сіяпельство Князь Дмитрій Але-
ксандрович Черкаской.

Его Высокородіе Степанъ Андреевич
Зиновьевъ.

Его Высокоблагородіе Алексій Але-
ксандрович Плещеевъ.

Санкт-Петербургская Придворная Ко-
нююшенная Конпора.

Федоръ Васильевич Варенцовъ, Спу-
денпъ.

Его Сіяпельство Князь Александръ
Михайлович Волконской.

Его Сіяпельство Князь Александръ
Михайлович Бѣлосельской.

Его Высокородіе Андрей Иванович
Давыдовъ.

Его Благородіе Иванъ Иванович Гу-
баревъ.

Венедиктъ Поповъ.

Его Благородіе Николай Михайлович
Соковнинъ.

Его Превосходительство Павелъ Маш-
евич Ржевской.

Неизвѣстная Особа.

Его Высокопреосвященство Архієпіскопъ Сильвестръ.

Его Превосходительство Николай Михайлович Рахмановъ.

Его Благородіе Илья Алексѣвичъ Киреевской.

Его Превосходительство Константи́нъ Ивановичъ Повало - Швейковский.

Его Благородіе Александръ Алексѣвичъ Плещеевъ.

Его Высокоблагородіе Сергѣй Алексѣвичъ Благово.

Его Благородіе Иванъ Лукичъ Лукинъ.

Мавра Михайловна Полянская.

Его Высокоблагородіе Илья Алексѣвичъ Диринъ.

Его Высокородіе Петръ Ивановичъ Фрауендорфъ.

Его Высокоблагородіе Демьянъ Демьяновичъ Оболонский.

Его Благородіе Максимъ Даниловичъ Требинский.

Его Высокородіе Иванъ Ивановичъ Но-вицкій.

Его Высокоблагородіе Николай Михайловичъ Тапшиковъ.

Его Высокоблагородіе Осипъ Мироновъ
вичъ Петерсонъ.

Его Благородіе Ефремъ Михайловичъ
Бедринъ.

Его Благородіе Иванъ . . . Сушинъ.

Его Благородіе Иванъ Аѳанасьевичъ
Тарховъ.

Его Высокоблагородіе Николай Федо-
ровичъ Аршеневской.

Его Благородіе Александръ . . . Шары-
пинъ.

Унженскаго завода управитель Ма-
ксимъ Перфильевичъ Горностаевъ.

Его Высокоблагородіе Павелъ . . .
Рудановскій.

Его Высокородіе Сергѣй Михайловичъ
Лукинъ.

Его Благородіе Дмитрій Ивановичъ
Языковъ.

Въ другихъ городахъ.

Въ С. Петербургѣ Его Высокоблаго-
родіе Николай Александровичъ Бол-
шинъ.

— — Его Высокоблагородіе Осипъ
Петровичъ Козодавлевъ.

— — Его Высокоблагородіе Гаврило
Михайловичъ Грибановъ.

- — Ея Превосходительство
Анна Дмишріевна Окунева.
- — Главное Почтовыхъ дѣлъ Пра-
вленіе.
- — Его Высокородіе Дмитрій Про-
кофьевичъ Трощинской.
- — Его Высокоблагородіе Ва-
силій Григорьевичъ Рубанъ.
- NB. Четырнадцать неизвестныхъ
особъ въ Петербургѣ берутъ Жур-
налъ черезъ Почт-Амтъ.
- Въ Симбирскъ Его Высокоблагородіе
Василій Михайловичъ Карамзинъ.
- — Его Высокоблагородіе Александръ
Федоровичъ Ермоловъ.
- — Его Благородіе Петръ Яковле-
вичъ Норовъ.
- — Его Высокоблагородіе Семенъ
Владимировичъ Аржевитиновъ.
- — Его Высокоблагородіе Иванъ
Васильевичъ Колебакинъ.
- — Его Высокоблагородіе Дмитрій
Александровичъ Чирковъ.
- — Его Благородіе Павелъ Петро-
вичъ Микулинъ.
- — Его Высокоблагородіе Иванъ
Дмишріевичъ Апраксинъ.

- — Его Высокоблагородіе Василій
Анасьевичъ Киндяковъ.
- — Его Высокоблагородіе Иванъ
Васильевичъ Жадовскій.
- — Его Высокоблагородіе Александъръ Ивановичъ Толстой.
- Въ Калугѣ** Его Превосходительство
Александъръ Борисовичъ Палицынъ.
- Въ Уфѣ** Его Благородіе Никиша Васильевичъ Демидовъ.
- — Верхній Земскій Судъ.
- — Контора Овсяно-Петровскаго
желѣзного завodu
- Въ Бугурусланѣ** Его Высокоблагородіе Николай Михайловичъ Булгаковъ.
- — Его Благородіе Петръ Ивановичъ Пушловъ.
- Въ Новомиргородѣ** Его Высокоблагородіе Михайло Яковлевичъ Трахимовский
- Въ Наурѣ** на Кавказской линіи Его
Превосходительство Иванъ Дмитриевичъ Савельевъ.
- Въ Ростовѣ** крестьянинъ Федоръ Михайловъ сынъ Кочешковъ.
- Въ Алексинѣ** Его Высокоблагородіе
Михайло Николаевичъ Леоновъ.

- Въ *Донковъ* Его Превосходительство
Машвѣй Васильевичъ Муромцовъ.
- Во *Лыговъ* Его Высокоблагородіе Агей
Григорьевичъ Изѣддиновъ.
- Въ *Бѣлевъ* Его Превосходительство
Александръ Леонтьевичъ Ларіоновъ.
- Въ *Перемышль* Его Превосходитель-
ство Александръ Николаевичъ Чи-
черинъ.
- Въ *Полоцкъ* Его Благородіе Иванъ
Яковлевичъ Сокольской.
- Въ *Ельцъ* Его Благородіе Василій Оси-
повичъ Перъваго.
- Въ *Коломнѣ* Богословіи Студентъ За-
харъ Васильевичъ Грацинской.
- Въ *Ахтыркѣ* Его Благородіе Павелъ
Ивановичъ Воиновичъ.
- Въ *Муромѣ* Его Высокоблагородіе Ва-
силій Васильевичъ Закревской.
- Въ *Ярославлѣ* Его Высокоблагородіе
Николай Алексѣевичъ Замыцкой.
- Въ *Брянскѣ* Ея Высокоблагородіе Вар-
вара Николаевна Безобразова.
- Въ *Богородскѣ* Его Высокоблагородіе
Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ.
- Въ *Карачеевѣ* Его Высокоблагородіо
Алексѣй Захарьевичъ Апухтинъ.

- Въ *Казани* Его Благородіе Александръ
Логиновичъ Лихачевъ.
- Въ *Саратовѣ* Его Высокоблагородіе
Александръ Матвѣевичъ Кожевниковъ.
- Въ *Суджѣ* Его Высокоблагородіе Степанъ
Аѳанасьевичъ Домашневъ.
- Въ *Перми* Его Высокоблагородіе Иванъ
Ивановичъ Панаевъ.
- — Губернской Магистратъ.
- — Уголовная Палата.
- Въ *Оренбургѣ* Его Высокоблагородіе
Александръ Сергеевичъ Кушниковъ.
- — Обер-провіантъ-мейстерская
Коммиссія.
- Въ *Борисоглѣбскѣ* Его Высокородіе
Аѳанасій Григорьевичъ Пановъ.
- Въ *Вяткѣ* Василій Борисовичъ Хохряковъ.
- Въ *Далматовѣ* Нижняя Расправа.
- Въ *Кизляре* Его Высокоблагородіе Ни-
колай Семеновичъ Максимовичъ.
- Въ *Вязьмѣ* Его Высокоблагородіе Сер-
гѣй Веденикповичъ Арсеньевъ.
- Въ *Арзамасѣ* Его Высокоблагородіе
Николай Ивановичъ Бахмешевъ.
- Въ *Дорогобужѣ* Его Превосходитель-
ство Петръ Амлесевичъ Шепелевъ.

Въ Сызранѣ Его Высокоблагородіе

Иванъ Гавриловичъ Дмишріевъ.

— — Ея Благородіе Маріа Михайловна Карамзина.

Въ Орлѣ Его Высокородіе Егоръ Лаврентьевичъ Цуриковъ.

Въ Малороссійской Почт-Амтѣ три экземпл.

Въ Сумской легкоконный полкъ 1 экземпл.

251

V.3		
I. Изъ миРъ	283.	
II. О пспавной Важмистръ	295.	
III. Пѣсня роскошнаго и трезваго Философа	301.	
IV. Ліодоръ	305	
V. Переводъ изъ Le Voyageur senti- mental. Par Mr. Vernes le fils.	335	
VI. Письма Русскаго Путешествен- ника	347	
VII. Письмо къ Издателю	379	
VIII. Послѣдній часъ Іакова II.	390	
IX. Смѣсь	393	
X. Парижніе спекуляции	397	
XI. О иностранныхъ книгахъ	401	

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го споишь въ Москвѣ пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будетъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при шомъ свой адресъ, и въ
шакомъ случаѣ ручаемся за вѣрное
доставленіе Журнала.
